

P 42
eg. 252

БИБЛІОТЕКИ

Л.Т.Преображенскаго полка

Шкафъ №

Книга №

975.931.

~~A 265~~
80

P 49
252

в картотеке ВК

КОНЕКЪ ГОРБУНОКЪ.

263
1045
80
Р 42
252

КОНЕКЪ ГОРБУНОКЪ.

Р. В. С. Р.

РУССКАЯ СКАЗКА

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

СОЧИНЕНИЕ

ПЕТРА ЕРШОВА

Съ семью картинками, рисованными на деревѣ

Р. Б. Жуковскимъ и гравированными Л. Свряковыми.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1865..

Дозволено цензурою, С-Петербургъ 9-го марта 1865.

2011094730

ТИПОГРАФІЯ КЕСНЕВИЛЛ, ГОРОХОВАЯ, 50.

ЧАСТЬ I.

„Начинается сказка сказываться.“

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Противъ неба, — на землѣ,
Жилъ старикъ въ одномъ селѣ.
У старинушки три сына:
Старшій умный былъ дѣтина,
Средній сынъ и такъ и сякъ,
Младшій вовсе былъ дуракъ.
Братья сѣяли пшеницу,
Да возили въ градъ столицу;
Знать столица та была

Не далече отъ села .
Тамъ пшеницу продавали ,
Деньги счетомъ принимали ,
И съ набитою сумой
Возвращались домой .

Въ долгомъ времени, аль вскорѣ,
Приключилося имъ горѣ:
Кто-то въ полѣ сталъ ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродяся не видали;
Стали думать да гадать —
Какъ бы вора соглядать;
Наконецъ себѣ смекнули,
Чтобъ стоять на караулѣ ,
Хлѣбъ ночами поберечь,
Злаго вора подстеречь .

Вотъ, какъ стало лишь смеркаться ,
Началъ старшій братъ собираться ,

Вынулъ вилы и тапоръ ,
И отправился въ дозоръ .

Ночь ненастная настала ;
На него боязнь напала ,

И со страховъ нашъ мужикъ
Закопался подъ сѣнникъ .

Ночь проходитьъ , день приходитъ ;
Съ сѣнника дозорный сходитъ ,

И , обливъ себя водой ,
Сталъ стучаться подъ избой :

«Эй , вы , сонныя тетери !

«Отпирайте брату двери .

«Подъ дождемъ я весь промокъ

«Съ головы до самыхъ ногъ.»

Братья , двери отворили

Караульщика впустили ,

Стали спрашивать его —

Не видалъ ли онъ чего ?

Караульщикъ помолился ,

Вправо , влѣво поклонился ,

И , прокашлявшись , сказалъ :

«Всю я ноченьку не спалъ ;

«На мое-жъ при томъ несчастье

«Было страшное ненастье :

«Дождь вотъ такъ ливня и лилъ,

«Рубашенку всю смочилъ.

«Ужъ куда какъ было скучно!...

«Впрочемъ все благополучно.»

Похвалилъ его отецъ :

«Ты, Данило, молодецъ !

«Ты, вотъ такъ сказать примѣрно,

«Сослужилъ мнѣ службу вѣрно ,

«То есть, будучи при всемъ ,

«Не ударилъ въ грязь лицомъ. »

Стало съизнова смеркаться :

Средній братъ пошелъ собирать ,

Взялъ и вилы и тапореъ ,

И отправился въ дозоръ.

Ночь холодная настала ,

Дрожь на малаго напала ,

Зубы начали плясать ;

Онъ ударился бѣжать, —

И всю ночь ходилъ дозоромъ

У сосѣдки подъ заборомъ.

Жутко было молодцу!

Но вотъ утро. Онъ къ крыльцу.

«Эй, вы, сони! что вы спите!

«Брату двери отоприте;

«Ночью страшный былъ морозъ,

«До животиковъ промерзъ.»

Братья двери отворили,

Караульщика впустили,

Стали спрашивать его—

Не видалъ ли онъ чего?

Караульщикъ помолился,

Вправо, влѣво поклонился,

И сквозь зубы отвѣчалъ:

»Всю я поченьку не спалъ,

«Да къ моей судьбѣ несчастной,

«Ночью холодъ былъ ужасный,

«До сердцовъ меня пробралъ;

«Всю я почку проскакалъ;

« Слишкомъ было несподручно.... »

« Впрочемъ все благополучно. »

И ему сказалъ отецъ :

« Ты, Гаврило, молодецъ ! »

Стало въ третій разъ смеркаться,

Надо младшему сбираться;

Онъ и усомъ не ведетъ,

На печи въ углу поеть

Изо всей дурацкой мочи :

« Распрекрасныя вы очи ! »

Братья ну ему пенять.

Стали въ поле погонять ,

Но сколь долго не кричали,

Только голосъ потеряли:

Онъ ни съ мѣста. Наконецъ

Подошелъ къ нему отецъ,

Говорить ему: «Послушай,

« Побѣгай въ дозоръ, Ванюша ;

« Я куплю тебѣ лубковъ,

« Дамъ гороху и бобовъ. »

Тутъ Иванъ съ печи слѣзаетъ,
Малахай свой надѣваетъ,
Хлѣбъ за пазуху кладетъ,
Караулъ держать идетъ.

Ночь настала ; мѣсяцъ всходитъ ;
Поле все Иванъ обходитъ,
Озираючись кругомъ,
И садится подъ кустомъ:
Звѣзды на небѣ считаетъ,
Да краюшку уплетаетъ.
Вдругъ о полночь конь заржалъ...
Караульщикъ нашъ привсталъ,
Посмотрѣлъ подъ рукавицу,
И увидѣлъ кобылицу.
Кобылица та была
Вся какъ зимній снѣгъ бѣла,
Грива въ землю, золотая,
Въ мелки кольца завитая.
«Эхе-хе ! такъ вотъ какой
«Нашъ воришко !... Но, постой,

»Я шутить вѣдь не умѣю,

«Разомъ сяду те на шею.

«Вишь, какая саранча!»

И минуту улуча,

Къ кобылицѣ подбѣгаетъ,

За волнистый хвостъ хватаетъ —

И прыгнувъ къ ней на хребетъ —

Только задомъ напередъ.

Кобылица молодая,

Очью бѣшено сверкая,

Змѣемъ голову свила,

И пустилась какъ стрѣла.

Вьется кругомъ надъ полями,

Виснетъ пластью надо рвами,

Мчится скокомъ по горамъ,

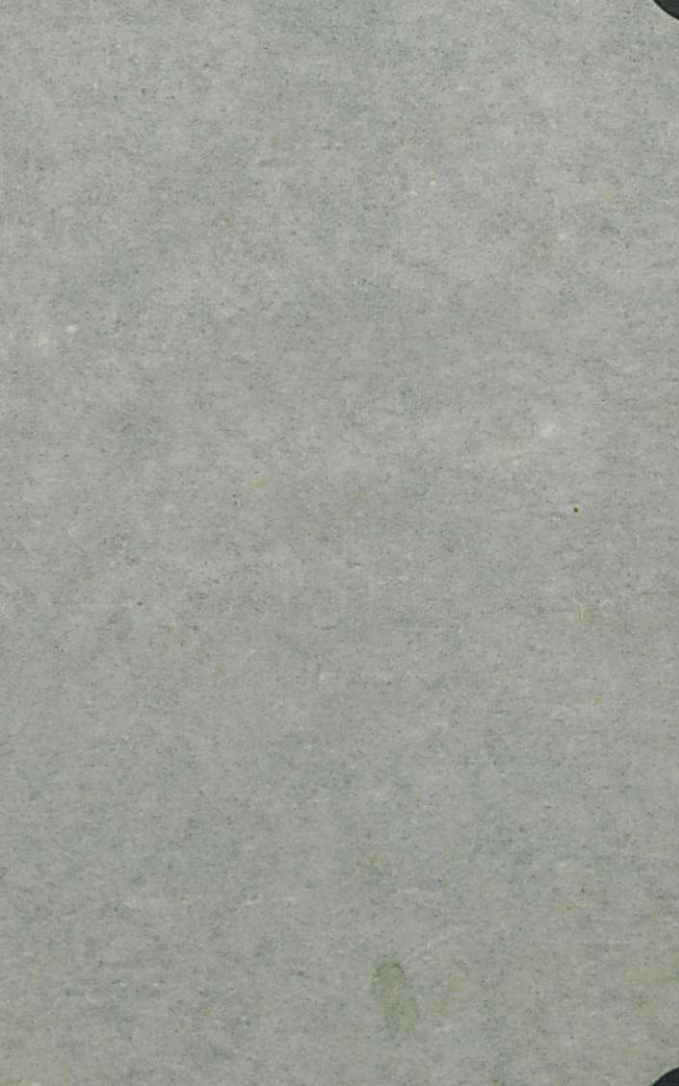
Ходить дыбомъ по лѣсамъ,

Хочетъ силой, аль обманомъ,

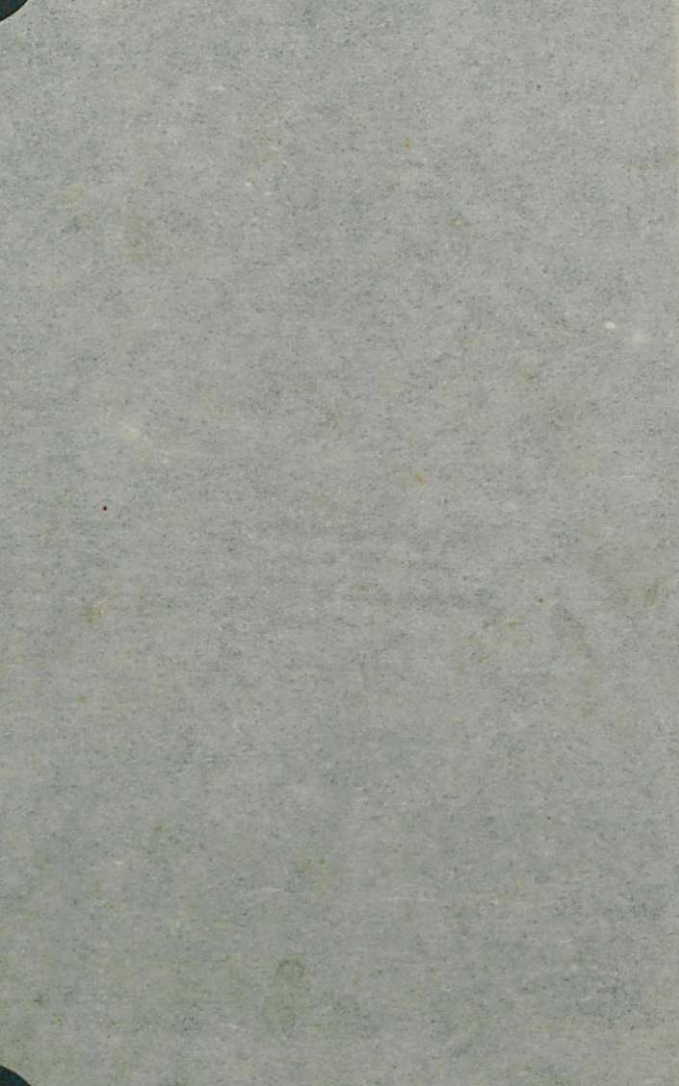
Лишь бы справиться съ Иваномъ;

Но Иванъ и самъ не простъ, —

Крѣпко держится за хвостъ.

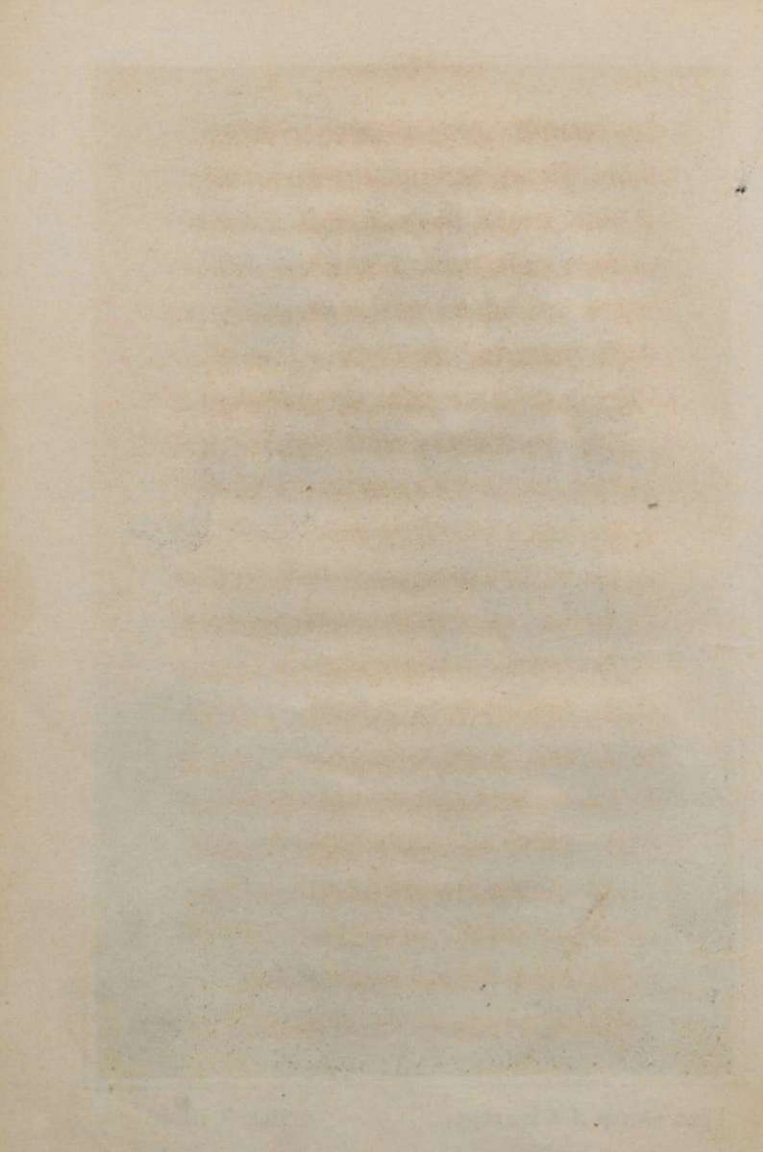

Грав. на дер. Л. Сѣряковъ.

Печ. Э. Шефферъ.

Наконецъ она устала.

« Ну, Иванъ (ему сказала),

« Коль умѣлъ ты усидѣть,

« Такъ тебѣ мной и владѣть.

« Дай мнѣ мѣсто для покою,

« Да ухаживай за мною,

« Сколько смыслншь. Да смотри,

« По три утренни зари

« Выпускай меня на волю,

« Погулять по чисту полю.

« По исходѣ же трехъ дней,

« Двухъ рожу тебѣ коней, —

« Да такихъ, какихъ понынѣ

« Не бывало и въ поминѣ ;

« Да еще рожу конька,

« Ростомъ только въ три вершка,

« На спинѣ съ двумя горбами,

« Да съ аршинными ушами.

« Двухъ коней, коль хошь, продай,

« По конька не отдавай

« Ни за поясъ, ни за шапку,

« Ни за черную, слышь, бабку.

« На землѣ и подъ землею

« Онъ товарищъ будетъ твой ;

« Онъ зимой тебя согрѣетъ,

« Лѣтомъ холодомъ обвѣетъ ;

« Въ голодъ хлѣбомъ угоститъ

« Въ жажду медомъ напоитъ.

« Я же снова выйду въ поле

« Силы пробовать на волѣ.»

Ладно, думаетъ Иванъ,

И въ пастушій балаганъ

Кобылицу загоняетъ,

Дверь рогожей закрываетъ,

И лишь только разсвѣло,

Отправляется въ село,

Папѣвая громко пѣсню :

« Ходилъ молодецъ на прѣсню.»

Вотъ онъ всходитъ на крыльцо,

Вотъ хватается за кольцо,

Что есть силы въ дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричить на весь базаръ,
Словно сдѣлся пожаръ.
Братья съ лавокъ поскакали,
Заикаясь, вскричали :
« Кто стучится сильно такъ ? »
— « Это я, Иванъ-дуракъ ! » —
Братья двери отворили,
Дурака въ избу впустили,
И давай его ругать , —
Какъ онъ смѣлъ ихъ такъ пугать !
А Иванъ нашъ, ни снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведетъ оттуда рѣчь
Про ночное похождение,
Всѣмъ ушамъ на удивленье :
« Всю я почепьку не спалъ,
« Звѣзды на небѣ считалъ ;
« Мѣсяцъ ровно тоже свѣтилъ,

«Я порядкомъ не примѣтилъ.
«Вдругъ приходитъ дьяволъ самъ,
«Съ бородою и съ усамъ;
«Рожа словно какъ у кошки,
«А глаза-то что те плоски!
«Вотъ и сталъ тотъ чортъ скакать,
«И зерно хвостомъ сбивать.
«Я шутить вѣдь не умѣю,
«И вскочи ему на шею.
«Ужъ таскалъ же онъ, таскалъ,
«Чуть башки мнѣ не сломалъ,
«Но и я ведь самъ не промахъ,
«Слышь, держалъ его какъ въ жомахъ,
«Бился, бился мой хитрецъ
«И взмолился наконецъ :
— «Не губи меня со свѣта !
«Цѣлый годъ тебѣ за это
«Обѣщаюсь смиренно жить,
«Православныхъ не мутить.» —
«Я слышь, словъ-то не помѣрилъ,
«Да чертенку и повѣрилъ.»

Тутъ разскащикъ замолчалъ,
Позѣвнулъ и задремалъ.
Братья, сколько не сердчали,
Не смогли — захохотали,
Ухватившись подъ бока,
Надъ разсказомъ дурака.
Самъ старикъ не могъ сдержаться,
Чтобъ до слезъ не посмѣяться:
Хоть смѣяться, такъ оно
Старикамъ ужъ и грѣшно.

Много ль времени, аль мало
Съ этой ночи пробѣжало, —
Я про это ничего
Не слыхалъ ни отъ кого.
Ну, да что намъ въ томъ за дѣло, —
Годъ ли, два ли пролетѣло,
Вѣдь за ними не бѣжать....
Станемъ сказку продолжать.

Ну-съ, такъ вотъ что! Разъ Данило

(Въ праздникъ, помнится, то было),
Натянувшись зѣльно пьянъ,
Затащился въ балаганъ.

Что жъ онъ видитъ? — Прекрасныхъ
Двухъ коней золотогривыхъ,
Да игрушечку — конька
Ростомъ только въ три вершка,
На спинѣ съ двумя горбами,
Да съ аршинными ушами.

«Хмь! теперь-то я узналъ,
«Для чего здѣсь дурень спалъ?»
Говорить себѣ Данило....

Чудо разомъ хмѣль посбило;
Вотъ Данило въ домъ бѣжить
И Гаврилъ говорить:

«Посмотри, какихъ красивыхъ
«Двухъ коней золотогривыхъ
«Нашъ дуракъ себѣ досталъ:
«Ты и слыхомъ не слыхалъ.»

И Данило да Гаврило,
«Что въ ногахъ ихъ мочи было,

По крапивѣ прямикомъ
Такъ и дуютъ босикомъ.

Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здѣсь и тамъ,
Входятъ братья къ двумъ конямъ,
Кони ржали и храпѣли,
Очи яхонтомъ горѣли;
Въ мелки кольца завитой,
Хвостъ струнлся золотой,
И алмазныя копыты
Крупнымъ жемчугомъ обиты.
Любо-дорого смотрѣть!
Лишь царю бѣ на нихъ сидѣть.
Братья такъ на нихъ смотрѣли,
Что чуть-чуть не окривѣли.
«Гдѣ онъ это ихъ досталъ!
(Старшій среднему сказать).
«Но давно ужъ рѣчь ведется,
«Что лишь дурнямъ кладъ дается,

«Ты жъ хоть лобъ себѣ разбей,
«Такъ не выбьешь двухъ рублей.
«Ну, Гаврило, въ ту седмицу
«Отведемъ-ка ихъ въ столицу
«Тамъ боярамъ продадимъ,
«Деньги ровно подѣлимъ;
«А съ деньжонками, самъ знаешь,
«И попьешь и погуляешь,
«Только хлопни по мѣшку.
«А благому дураку
«Не достанетъ вѣдь догадки,
«Гдѣ гостятъ его лошадки;
«Пусть ихъ ищетъ тамъ и сямъ.
«Ну, пріятель, по рукамъ!»
Братья разомъ согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,
Говоря промежъ собой
Про коней и про пирушку,
И про чудную звѣрушку.

Время катить чередомъ ,
Часъ за часомъ, день за днемъ;
И на первую седмицу
Братья ѣдутъ въ градъ-столицу,
Чтобъ товаръ свой тамъ продать,
И на пристани узнать —
Не пришли ли съ кораблями
Нѣмцы въ городъ за холстами,
И пойдетъ ли царь Салтанъ
Бусурманить христіанъ?
Вотъ иконамъ помолились,
У отца благословились,
Взяли двухъ коней тайкомъ.
И отправились тишкомъ.

Вечеръ къ ночи пробирался:
На ночлегъ Иванъ собрался;
Вдоль по улицѣ идетъ,
Ѣстъ краюшку, да поетъ.
Вотъ онъ поля достигаетъ,
Руки въ боки подpiraетъ.

И съ прискочкой, словно панъ,
Бокомъ входитъ въ балаганъ.

Все по прежнему стояло ,
Но коней какъ не бывало ;
Лишь игрушка—горбунокъ
У его вертѣлся ногъ ,
Хлопалъ съ радости ушами ,
Да приплясывалъ ногами.
Какъ завоетъ тутъ Иванъ ,
Опершись о балаганъ .
« Ой, вы, кони буры-сивы ,
« Добры кони златогривы !
« Я ль васъ, други, не ласкалъ ,
» Да какой васъ чортъ укралъ ?
« Чтобъ пропасть ему, собакѣ !
« Чтобъ издохнуть въ буеракѣ !
« Чтобъ ему на томъ свѣту
« Провалиться на мосту !
« Ой, вы, кони буры-сивы ,
« Добры кони златогривы ! »

Тутъ конекъ ему заржалъ,
« Не тужи, Иванъ (сказалъ);
« Велика бѣда, не спорю;
« По могу помочь я горю,
« Ты на чорта не клеpli:
« Братья конниковъ свели.
« Ну, да что болтать пустое,
« Будь, Иванушка, въ покоѣ,
« На меня скорѣй садись,
« Только знай себѣ держись;
« Я хоть росту небольшого,
« Да смѣню коня другаго:
« Какъ пушусь да побѣгу,
« Такъ и бѣса настигу.»

Тутъ конекъ предъ нимъ ложится;
На конька Иванъ садится,
Уши въ загриби беретъ,
Что есть мочушки реветъ.
Горбунокъ-конекъ встряхнулся,
Всталъ на лапки, встрепехнулся,

Хлопнулъ гривкой, захрапѣлъ,
И стрѣлою полетѣлъ;
Только пыльными клубами
Вихорь вился подъ ногами,
И въ два мига, коль не въ мигъ,
Нашъ Иванъ воровъ настигъ.

Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замялись;
А Иванъ имъ сталъ кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
«Хоть Ивана вы умиѣе,
«Да Иванъ-то васъ честиѣе:
«Онъ у васъ коней не кралъ.»
Старшій, корчась, тутъ сказалъ:
«Дорогой нашъ братъ, Иваша!
«Что переться, дѣло наше;
«Но возьми же ты въ расчетъ
«Не корыстный нашъ животъ.
Сколь пшеницы мы не сѣемъ,
«Чуть насущный хлѣбъ имѣемъ.

«А коли неурожай,
«Такъ хоть въ петлю полѣзай.
«Вотъ въ такой большой печали
«Мы съ Гаврилой толковали
«Всю напереднюю ночь —
«Чѣмъ бы горюшку помочь?
«Такъ и этакъ мю рѣшили,
«Наконецъ вотъ такъ вершили,
«Чтобъ продать твоихъ коньковъ
«Хоть за тысячу рублей.
«А въ спасибо, молвить къ слову,
«Привезти тебѣ обнову —
«Красну шапку съ позвонкомъ,
«Да сапожки съ каблучкомъ.
«Да къ тому жъ, старикъ не можетъ,
«Работать уже не можетъ;
«А вѣдь надо жъ мыкать вѣкъ,
«Самъ ты умный человѣкъ!»!
— «Ну, коль этакъ, такъ ступайте,
«(Говорить Иванъ), продайте
«Златогривыхъ два коня,

«Да возьмите жъ и меня.»

Братья больно покосились,

Да нельзя же! согласились.

Стало на небѣ темнѣть;

Воздухъ началъ холодѣть;

Вотъ, чтобъ имъ не заблудиться,

Рѣшено остановиться.

Подъ навѣсами вѣтвей

Привязали всѣхъ коней,

Принесли съ ѣстнымъ лукошко,

Опохмѣлилися немножко,

И пошли, что Боже дастъ,

Кто во что изъ нихъ гораздъ.

Вотъ Данило вдругъ примѣтилъ,

Что огонь вдали засвѣтилъ.

На Гаврилу онъ взглянулъ,

Лѣвымъ глазомъ подмигнулъ

И прикашлянулъ легонько,

Указавъ огонь тихонько.

Тутъ въ затылкѣ почесалъ

« Эхъ, какъ темно ! (онъ сказалъ).

« Хотя бы мѣсяцъ этакъ въ шутку

« Къ намъ проглянулъ на минутку,

« Все бы легче. А теперь,

« Право, хуже мы теперь....

« Да постой-ка.... мнѣ сдается,

« Что дымокъ тамъ свѣтлый вьется....

« Видишь, эвонъ !... такъ и есть !...

« Вотъ бы курево развѣсть !

« Чудо было бъ !... А послушай,

« Побѣгай-ка, братъ Ванюша.

« А признаться, у меня

« Ни огнива, ни кремня, »

Самъ же думаетъ Данило :

« Чтобъ тебя тамъ задавило ! »

А Гаврило говорить :

« Кто пень знаетъ что горить !

« Коль станичники пристали, —

« Поминай его, какъ звали ! »

Все пустякъ для дурака,

Онъ садится на конька,
Бьетъ въ круты бока ногами,
Теребитъ его руками,
Изо всѣхъ горланить силъ....
Конь взвился и слѣдъ простылъ.
«Буди съ нами крестна сила!
(Закричалъ тогда Гаврило,
Оградясь крестомъ святымъ),
«Что за бѣсъ такой подъ нимъ!»

Огонекъ горить свѣтлѣе,
Горбунокъ бѣжить скорѣе.
Вотъ ужъ онъ передъ огнемъ.
Свѣтитъ поле, словно днемъ;
Чудной свѣтъ кругомъ струится,
Но не грѣетъ, не дымится.
Диву дался тутъ Иванъ.
«Что (сказалъ онъ) за шайтанъ!
«Шанокъ съ пять найдется свѣту,
«А тепла и дыму нѣту;
«Эко чудо огонекъ!»

Говорить ему конекъ :

« Вотъ ужъ есть чему дивиться !

« Тутъ лежитъ перо Жаръ-птицы.

« Но для счастья своего

« Не бери себѣ его.

« Много, много непокою

« Принесетъ оно съ собою. »

— « Говори ты ! какъ не такъ ! » —

Про себя ворчитъ дуракъ ;

И, поднявъ перо Жаръ-птицы,

Завернулъ его въ тряпицы,

Тряпки въ шапку положилъ,

И конька поворотилъ.

Вотъ онъ къ братьямъ приѣзжаетъ

И на спросъ ихъ отвѣчаетъ:

« Какъ туда я доскакалъ,

« Пень горѣлый увидалъ ;

« Ужъ надъ нимъ я бился, бился,

« Такъ что чуть не насадился ;

« Раздувалъ его я съ часъ,

« Нѣдъ, вѣдъ, чортъ возьми, угасъ ! »

Братья цѣлу ночь не спали,
Надъ Иваномъ хохотали ;
А Иванъ подъ возъ присѣлъ,
Вплоть до утра прохрапѣлъ.

Тутъ коней они впрягали,
И въ столицу приѣзжали,
Становились въ конный рядъ,
Супротивъ большихъ палатъ.

Въ той столицѣ былъ обычай,
Коль не скажетъ городничій, —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вотъ обѣдня наступаетъ ;
Городничій выѣзжаетъ
Въ туфляхъ, въ шапкѣ мѣховой,
Съ сотней стражи городской.
Рядомъ ѣдетъ съ нимъ глашатый,
Длинноусый, бородатый ;
Онъ въ злату трубу трубить,
Громкимъ голосомъ кричить :

« Гости ! лавки отпирайте,
« Покупайте, продавайте ;
« А надсмотрщикамъ сидѣть
« Подлѣ лавокъ и смотрѣть,
« Чтобы не было содому,
« Ни давежа, ни погрому,
« И чтобы никакой уродъ
« Не обманывалъ народъ ! »
Гости лавки отпирають,
Людъ крещеный закликають :
« Эй, честные господа,
« Къ намъ пожалуйте сюда !
« Какъ у насъ ли тары-бары,
« Всаки разные товары ! »
Покупальщики идутъ,
У гостей товаръ берутъ ;
Гости денежки считаютъ,
Да надсмотрщикамъ мигаютъ.

Между тѣмъ градской отрядъ
Прѣзжаетъ въ конный рядъ ;

Смотрить — давка отъ народу,
Нѣтъ ни выходу, ни входу;
Такъ кишма вотъ и кишмтъ,
И смѣются и кричатъ.
Городничій удивился,
Что народъ развеселился,
И приказъ отряду далъ,
Чтобъ дорогу прочищалъ.
«Эй! вы, черти босоноги!
«Прочь съ дороги! прочь съ дороги!»
Закричали усачи,
И ударили въ бичи.
Тутъ народъ зашевелился,
Шанки снялъ и разступился.

Предъ глазами конный рядъ :
Два коня въ ряду стоятъ,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотыя,
Въ мелки кольца завитой,
Хвостъ струится золотой....

Нашъ старикъ, сколь ни былъ пылокъ,
Долго теръ себѣ затылокъ,
«Чуденъ,» молвилъ, «Божій свѣтъ!
«Ужъ какихъ чудесъ въ немъ нѣтъ!»
Весь отрядъ тутъ поклонился,
Мудрой рѣчи подивился.
Городничій, между тѣмъ,
Наказалъ престогаго всѣмъ,
Чтобъ коней не покупали,
Не зѣвали, не кричали;
Что онъ ѣдетъ ко двору
Доложить о всемъ Царю.
И, оставивъ часть отряда,
Онъ поѣхалъ для доклада.

Пріѣзжаетъ во дворецъ,
«Ты помилуй, Царь-отецъ!»
Городничій восклицаетъ,
И всѣмъ тѣломъ унадаетъ:
«Не вели меня казнить,

«Прикажи миѣ говорить!»

Царь изволилъ молвить: «Ладно,

«Говори, да только складно.»

— «Какъ умѣю, расскажу:

«Городничимъ я служу:

«Вѣрой-правдой исправляю

«Эту должность....» — Знаю, знаю!

— «Вотъ сегодня, взявъ отрядъ,

«Я поѣхалъ въ конный рядъ,

«Пріѣзжаю—тьма народу!

«Ну, ни выходу, ни входу.

«Что тутъ дѣлать?... Приказалъ

«Гнать народъ, чтобъ не мѣшалъ.

«Такъ и сталося, Царь-Надежа!

«И поѣхалъ я,—и что-же?....

«Предо мною конный рядъ:

«Два коня въ ряду стоятъ,

«Молодые, вороные,

«Вьются гривы золотыя,

«Въ мелки кольца завитой,

«Хвостъ струится золотой,

« И алмазныя копыты
« Крупнымъ жемчугомъ обиты. »

Царь не могъ тутъ усидѣть.
« Надо коней поглядѣть, »
Говорить онъ: « да не худо
« И завести такое чудо.
« Гей, повозку миѣ! » — И вотъ
Ужъ повозка у воротъ ;
Царь умылся, нарядился,
И на рынокъ покатился;
За Царемъ стрѣльцовъ отрядъ.

Вотъ онъ въѣхалъ въ конный рядъ.
На колѣни всѣ тутъ пали,
И ура! Царю кричали.
Царь раскланялся и въ мигъ
Молодцемъ съ повозки прыгъ....
Глазъ своихъ съ коней не сводить,
Справа, слѣва къ нимъ заходить,

Словомъ ласковымъ зоветъ,
По спинѣ ихъ тихо бьетъ,
Треплетъ шею ихъ крутую,
Гладитъ гриву золотою,
И, довольно насмотрясь,
Онъ спросилъ оборотясь
Къ окружавшимъ: « Эй, ребята!
« Чьи такіе жеребята?
« Кто хозяинъ? »—Тутъ Иванъ
Руки въ боки, словно панъ,
Изъ-за братьевъ выступаетъ
И, падувшись, отвѣчаетъ:
« Эта пара, Царь, моя,
« И хозяинъ — тоже я.»
— « Ну, я пару покупаю;
« Продаешь ты? »—« Нѣтъ, мѣняю.»
— Что въ промѣнъ берешь добра?»
« Два-пять шапокъ серебра.»
— « Го есть, это будетъ десять.»
Царь тотчасъ велѣлъ отвѣсить,
И, по милости своей,

Даль въ прибавокъ пять рублей.

Царь-то былъ великодушный !

Повели коней въ конюшни

Десять конюховъ сѣдыхъ,

Всѣ въ нашивкахъ золотыхъ,

Всѣ съ цвѣтными кушаками,

И съ сафьянными бичами.

Но дорогой, какъ на смѣхъ,

Кони съ ногъ ихъ сбили всѣхъ,

Всѣ уздечки разорвали,

И къ Ивану прибѣжали.

Царь отправился назадъ,

Говорить ему : « Ну, братъ,

« Пара нашимъ не дается ;

« Дѣлать нечего, придется

« Во дворцѣ тебѣ служить ;

« Будешь въ золотѣ ходить,

« Въ красно платье наряжаться,

« Словно въ маслѣ сырѣ кататься,

« Всю конюшенну мою
« Я въ приказъ тебѣ даю,
« Царско слово въ томъ порука.
« Что, согласенъ? — «Эка штука!
« Во дворцѣ я буду жить,
« Буду въ золотѣ ходить,
« Въ красно платье наряжаться,
« Словно въ маслѣ сырѣ кататься,
« Весь конюшенный заводъ
« Царь въ приказъ миѣ отдаетъ;
« То есть, я изъ огорода
« Стану царскіи воевода.
« Чудно дѣло! Такъ и быть,
« Стану, Царь, тебѣ служить.
« Только, чуръ, со мной не драться,
« И давать миѣ высыпаться,
« А не то, я былъ таковъ!»

Тутъ онъ кликнулъ скакуновъ
И пошелъ вдоль по столицѣ,
Самъ махая рукавицей,

И, подъ пѣсню дурака,
Кони пляшутъ трепака;
А конекъ его — горбатко
Такъ и ломится въ присядку,
Къ удивленью людямъ всѣмъ.

Два-же брата между тѣмъ
Деньги Царски получили,
Въ пояски ихъ позашили,
Постучали ендовой,
И отправились домой.
Дома дружно подѣлились,
Оба въ разъ они женились,
Стали жить да поживать,
Да Ивана поминать.

Но теперь мы ихъ оставимъ,
Снова сказкой позабавимъ
Православныхъ Христіанъ,
Что надѣлалъ нашъ Иванъ,
Находясь во службѣ царской,

При конюшиѣ государственной;
Какъ въ сусѣдки онъ попалъ,
Какъ перо свое проспалъ,
Какъ хитро поймалъ Жарь-птицу,
Какъ похитилъ Царь-дѣвицу,
Какъ онъ ѣздилъ за кольцомъ,
Какъ былъ на небѣ посломъ,
Какъ онъ въ солнцевомъ селенѣ
Киту выпросилъ прощенье;
Какъ къ числу другихъ затѣй,
Спасъ онъ тридцать кораблей;
Какъ въ котлахъ онъ не сварился,
Какъ красавцемъ учинился;
Словомъ: наша рѣчь о томъ,
Какъ онъ сдѣлался царемъ.

ЧАСТЬ II.

«Скоро сказка сказывается,
«А не скоро дѣло дѣлается.»

Зачинается разсказъ
Отъ Ивановыхъ проказъ,
И отъ сивка, и отъ бурка,
И отъ вѣщаго коурка.
Козы на море ушли;
Горы лѣсомъ поросли;
Конь съ златой узды сорвался,
Прямо къ солнцу поднимался;
Лѣсъ стоячій подъ ногой,
Сбоку облакъ громовой;
Ходить облакъ и сверкаетъ,
Громъ по небу разсыпаетъ.

Это присказка: пожди,
Сказка будеть впереди.
Какъ на морѣ-Окіянѣ,
И на островѣ Буянѣ,
Новый гробъ въ лѣсу стоитъ,
Въ гробѣ дѣвица лежитъ;
Соловей надъ гробомъ свищеть;
Черный звѣрь въ дубравѣ рыщетъ
Это присказка, а вотъ —
Сказка чередомъ пойдетъ.

Ну, такъ видите-ль, міряне,
Православны Христіане,
Нашъ удалый молодець
Затесался во дворець;
При конюшнѣ царской служить,
И нисколько не потужить
Онъ о братьяхъ, объ отцѣ,
Въ государевомъ дворцѣ.
Да и что ему до братьевъ?
У Ивана красныхъ платьевъ,

Красныхъ шапокъ, сапоговъ,
Чуть не десять коробовъ:
Бѣсть онъ сладко, спитъ онъ столько,
Что раздолье, да и только!

Вотъ недѣлей черезъ пять,
Началъ Спальникъ примѣчать...
Надо молвить: этотъ Спальникъ
До Ивана былъ начальникъ
Надъ конюшною надъ всею,
Изъ боярскихъ слылъ дѣтей;
Такъ не диво, что онъ злился
На Ивана, и божился,
Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вонъ изъ дворца.
Но лукавство сокрывая,
Онъ для всякаго случая
Притворился, плутъ, глухимъ,
Близорукимъ и нѣмымъ;
Самъ-же думаетъ: «постой-ка,
«Я те двину, неумойка!»

Такъ недѣлей черезъ пять,
Спальникъ началъ примѣчать,
Что Иванъ коней не холить,
И не чистить, и не школить;
Но при всемъ томъ два коня
Словно лишь изъ-подъ гребня:
Чисто-на-чисто обмыты,
Гривы въ косы перевиты,
Чолки собраны въ пучокъ,
Шерсть — ну, лоснится какъ шолкъ;
Въ стойлахъ—свѣжая пшеница,
Словно тутъ же и родится,
И въ чанахъ большихъ сыта
Будто только налита.
«Что за притча тутъ такая?»
Спальникъ думаетъ, вздыхая:
«Ужъ не ходить ли, постой,
«Къ намъ проказникъ домовой?
Да-ка я подкараулю,
«А нешто, такъ я и пулю,
«Не смигнувъ, умѣю слить:

«Лишь бы дурня уходить.
«Донесу я въ думѣ царской,
«Что конюшій государской
«Басурманинъ, ворожей,
«Чернокнижникъ и злодѣй;
«Что онъ съ бѣсомъ хлѣбъ-соль водить
«Въ церковь Божию не ходитъ,
«Католицкой держитъ крестъ,
«И постами мясо ѣстъ.»

Въ тотъ же вечеръ этотъ Спальникъ,
Прежній конюшнихъ начальникъ,
Въ стойлы спрятался тайкомъ,
И обсыпался овсомъ.

Вотъ и полночь наступила,
У него въ груди заныло:
Онъ ни живъ, ни мертвъ лежитъ,
Самъ молитвы все творить,
Ждетъ сусѣдки.... Чу! въ самъ дѣлѣ,
Двери глухо заскрыпѣли,

Кони топнули, и вотъ
Входитъ старый коноводъ.
Дверь задвижкой запираетъ,
Шанку бережно скидаетъ,
На окно ее кладетъ,
И изъ шанки той беретъ
Въ три завернутый тряпицы
Царскій кладъ, — перо Жаръ-птицы.
Свѣтъ такой тутъ заблесталъ,
Что чуть Спальникъ не вскричалъ,
И отъ страху такъ забился,
Что овесъ съ него свалился.
Но сусѣдкѣ не въ домекъ!
Онъ кладетъ перо въ сусѣкъ,
Чистить коней начинаетъ,
Умываетъ, убираетъ,
Гривы длинныя плететъ,
Разны пѣсенки поетъ.
А межъ тѣмъ, свернувшись клубомъ,
Покалачивая зубомъ,
Смотритъ Спальникъ чуть живой

Что тутъ дѣстъ домовой.
Что за бѣсъ! нешто нарочно
Прирядился плутъ полночной;
Нѣтъ роговъ, ни бороды,
Ражій парень, хоть куды!
Волосъ гладкой, съ боку ленты,
На рубашкѣ прозументы,
Сапоги какъ аль софьянъ,
Ну, точнехонько Иванъ.
Что за диво? смотреть снова
Нашъ глазѣй на домового....
«Э! такъ вотъ что!» наконецъ
Проворчалъ себѣ хитрецъ:
«Ладно, завтра жъ Царь узнаетъ,
«Что твой глупый умъ скрываетъ.
«Подожди лишь только дня,
«Будешь помнить ты меня!»
А Иванъ, совсѣмъ не зная,
Что ему бѣда такая
Угрожаетъ, все плететь
Гривы въ косы, да поетъ,

А убравъ ихъ, въ оба чана
Нацѣдилъ сыты медвяной,
И насыпалъ до-полна
Бѣлоярова пшена.
Тутъ, зѣвнувъ, перо Жаръ-птицы
Завернулъ опять въ тряпицы
Шапку подъ ухо и легъ
У коней близь заднихъ ногъ.

Только начало зориться,
Спальникъ началъ шевелиться,
И услыша, что Иванъ
Такъ храпитъ, какъ Ерусланъ,
Онъ тихонько внизъ слѣзаетъ
И къ Ивану подползаетъ,
Пальцы въ шапку запустилъ,
Хватъ перо—и слѣдъ простылъ.

Царь лишь только пробудился
Спальникъ нашъ къ нему явился,
Стукнулъ крѣпко объ полъ лбомъ,

И запѣлъ Царю потомъ:

«Я съ повинной головою,

«Царь, явился предъ тобою,

«Не вели меня казнить,

«Прикажи мнѣ говорить.»

— «Говори, не прибавляя, »

Царь сказалъ ему зѣвая:

«Если жъ ты да будешь врать,

«То кнута не миновать»).

Спальникъ нашъ, собравшись съ силой,

Говоритъ Царю: «Помилуй!

«Вотъ-те истинный Христось

«Справедливъ мой, Царь, доносъ:

«Нашъ Иванъ, то всякой знаетъ,

«Отъ тебя, отецъ, скрываетъ,

«Но не злато, не серебро, —

Жароптицево перо...,»

— Жароптицево?... Проклятый!

«И онъ смѣлъ такой богатый....

«Погоди же ты, злодѣй!

«Не минуешь ты плетей!... »

— «Да и толь еще онъ знаетъ!»

Спальникъ тихо продолжаетъ,

Изогнувшись: «Добро!

«Пусть имѣлъ бы онъ перо;

«До и самую Жаръ-птицу,

«Во твою, отецъ, свѣтлицу,

«Коль приказъ изволишь дать,

«Похваляется достать.»

И доносчикъ съ этимъ словомъ

Скрючася обручемъ таловымъ,

Ко кровати подошелъ,

Подаль кладъ — и снова въ полъ.

Царь смотрѣлъ и дивовался,

Гладилъ бороду, смѣялся,

И скусилъ пера конецъ,

Тутъ, уклавъ его въ ларецъ,

Закричалъ (отъ нетерпѣнья),

Подтвердивъ свое велѣнье

Быстрымъ взмахомъ кулака:

«Гей! позвать мнѣ дурака!»

Грав. на дер. Л. Сѣряковъ.

Печ. Э. Шефферъ.

И посыльные дворяна
Побѣжали по Ивана,
Но, столкнувшись всѣ въ углу,
Растянулись на полу.
Царь тѣмъ много любовался,
И до колотья смѣялся.
А дворяна, усмотря,
Что смѣшно то для Царя,
Межъ собой перемигнулись,
И въ другоредъ растянулись.
Царь тѣмъ такъ доволенъ былъ,
Что ихъ шапкой наградилъ.
Тутъ посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана,
И на этотъ уже разъ
Обошлись безъ проказъ.

Вотъ къ конюшнѣ прибѣгаютъ,
Двери настежъ отворяютъ,
И ногами дурака
Ну толкать во всѣ бока.

Съ полчаса надъ нимъ возились,
Но его не добудились,
Наконецъ ужъ рядовой
Разбудилъ его метлой.

«Что за челядь тутъ такая?»

Говорить Иванъ, вставая:

«Какъ хвачу я васъ бичемъ,

«Такъ не станете потомъ

«Безъ пути будить Ивана».—

Говорять ему дворяна:

«Царь изволилъ приказать

«Намъ тебя къ нему позвать.»

—«Царь?... Ну ладно! Вотъ сряжуся

«И тотчасъ къ нему явлюся,»

Говорить посламъ Иванъ.

Тутъ надѣлъ онъ свой кафтанъ,

Опояской подвизался,

Приумылся, причесался,

Кнутъ свой съ боку прицѣпилъ,

Словно утица поплылъ.

Вотъ Иванъ къ Царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнулъ дважды и спросилъ :
«А пошто меня будилъ?»
Царь, прищурясь глазомъ лѣвымъ,
Закричалъ къ нему со гнѣвомъ,
Приподнявшись: «Молчать !
«Ты мнѣ долженъ отвѣчать—
«Въ силу коего указа
«Скрылъ отъ нашего ты глаза
«Наше царское добро—
«Жароптицево перо?
«Что я—Царь, али бояринъ?
«Отвѣчай сейчасъ, татаринъ! »
Тутъ Иванъ, махнувъ рукой,
Говорить Царю: «Постой!
«Я те шапки ровно не далъ,
«Какъ же ты о томъ провѣдалъ?
«Что ты—ажно ты пророкъ?
«Ну, да что, сяди въ острогъ,
«Прикажи сейчасъ хоть въ палки, —

«Нѣтъ пера да и шабалки?»

—«Отвѣчай же! запорю!....» —

«Я те толкомъ говорю:

«Нѣтъ пера! да слышь, откуда

«Мнѣ достать такое чудо?»

Царь съ кровати тутъ вскочилъ

И ларецъ съ перомъ открылъ.

«Что ? ты смѣлъ еще переться ?

«Да ужъ нѣтъ, не отвертѣться!

«Это что? а?» — Тутъ Иванъ,

Задрожавъ какъ листъ въ буранъ,

Шанку выронилъ съ испуга.

«Что пріятель, видно туго?»

Молвилъ Царь: «постой-ка братъ!....»

—«Охъ, помилуй, виновать!

«Отпусти вину Ивану,

«Я впередъ ужъ вратъ не стану».

И, закутавшись въ полу,

Растянулся на полу.

—«Ну, для перваго случаю,

«Я вину тебѣ прощаю.»

Царь Ивану говорить:

«Я, помилуй Богъ, сердить!

«И съ сердецъ иной порою

«Чубъ сниму и съ головою.

«Такъ вотъ, видишь, я каковъ!

«Но сказать безъ дальнихъ словъ,

«Я узналъ, что ты Жаръ-птицу

«Въ нашу царскую свѣтлицу,

«Если бъ вздумалъ приказать

«Похваляешься достать.

«Ну, смотри жъ не отпирайся,

«И достать ее старайся.»

Тутъ Иванъ волчкомъ вскочилъ.

«Я того не говорилъ!»

Закричалъ онъ, утираясь:

«О перъ не забираюсь,

«Но о птицѣ, какъ ты хощь,

«Ты напраслину ведешь.»

Царь, затрясши бородою—

«Что? рядиться мнѣ съ тобою!»

Закричалъ онъ: «Но смотри,

«Если ты недѣли въ три
«Не достанешь мнѣ Жарь-птицу
«Въ нашу царскую свѣтлицу,
«То клянуся бородой!
«Ты поплатишься со мной:
«На правеежъ—въ рѣшетку—на колъ!
«Вонъ, холопъ!» — Иванъ заплакалъ
И пошелъ на сѣноваль,
Гдѣ конекъ его лежалъ.

Горбунокъ, его почуя,
Дрягнулъ было плясовую;
Но какъ слезы увидалъ,
Самъ чуть-чуть не зарыдалъ.
«Что, Иванушка, не весель?»
«Что головушку повѣсилъ?»
Говорилъ ему конекъ,
У его вертятся ногъ.
«Не утайся предо мною,
«Все скажи, что за душою,
«Я помочь тебѣ готовъ.

«Аль, мой милый, нездоровъ ?»

«Аль попался къ лиходѣю ?»

Паль Иванъ къ коньку на шею,

Обнималъ и цѣловалъ.

«Охъ, бѣда, конекъ !» сказалъ :

«Царь велитъ достать Жаръ-птицу

«Въ государственную свѣтлицу.

«Что мнѣ дѣлать, горбунокъ ?»

Говоритъ ему конекъ :

«Велика бѣда, не спору ;

«Но могу помочь я горю.

«Отъ того бѣда твоя,

«Что не слушался меня ;

«Помнишь, ѣхавъ въ градъ-столицу

«Ты нашелъ перо Жаръ-птицы ;

«Я сказалъ тебѣ тогда :

«Не бери, Иванъ, — бѣда !

«Много, много непокою

«Принесетъ оно съ собою.

«Вотъ теперя ты узналъ—

«Правду ль я тебѣ сказалъ.

«Но сказать тебѣ по дружбѣ,
«Это службишка, не служба;
«Служба все, братъ, впереди,
«Ты къ Царю теперь поди
«И скажи ему открыто :
—«Надо, Царь, мнѣ два корыта
«Бѣлоярова пшена,
«Да заморскаго вина ;
«Да вели поторопиться :
«Завтра только зазорится,
«Мы отправимся въ походъ. »

Вотъ Иванъ къ Царю идетъ,
Говоритъ ему открыто :
«Надо, Царь, мнѣ два корыта
«Бѣлоярова пшена,
«Да заморскаго вина.
«Да вели поторопиться :
«Завтра только зазорится,
«Мы отправимся въ походъ. »
Царь тотчасъ приказъ даетъ,

Чтобъ посыльные дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцомъ его назваъ
И—«счастливый путь!» сказаъ.

На другой день, утромъ рано,
Разбудилъ конекъ Ивана.

«Гей! хозяинъ! полно спать!

«Время дѣло исправлять!»

Вотъ Иванушка поднялся,
Въ путь-дорожку собирался,
Взялъ корыта и пшено

И заморское вино;

Потеплѣе приодѣлся,

На конькѣ своемъ усѣлся,

Вынулъ хлѣба ломотокъ,

И поѣхалъ на Востокъ—

Доставать тое Жаръ-птицу.

Бдутъ цѣлую седмицу.

Напоследокъ, въ день осьмой,

Пріѣзжаютъ въ лѣсъ густой.
Тутъ сказалъ конекъ Ивану ;
«Ты увидишь здѣсь поляну ;
«На полянѣ той гора
«Вся изъ чистаго сребра ;
»Вотъ сюда-то до зарницы
«Прилетаютъ Жары-птицы
«Изъ ручья воды испить ;
«Тутъ и будемъ ихъ ловить.»
И, окончивъ рѣчь къ Ивану,
Выбѣгаетъ на поляну.
Что за поле ! зелень тутъ
Словно камень-изумрудъ ;
Вѣтерокъ надъ нею вѣетъ,
Такъ вотъ искорки и сѣетъ ;
А по зелени цвѣты,
Несказанной красоты.
А на той ли на полянѣ,
Словно валъ на океанѣ,
Возвышается гора
Вся изъ чистаго сребра.

Солнце лѣтними лучами
Красить всю ее зарями,
Въ згибахъ золотомъ бѣжить,
На верхахъ свѣчой горить.

Вотъ конекъ по косогору
Поднялся на эту гору,
Версту, другую пробѣжалъ,
Устоялся и сказалъ:
«Скоро ночь, Иванъ, начнется,
«И тебѣ стеречь придется.
«Ну, въ корыто лей вино,
«И съ виномъ мѣшай пшено.
«А чтобъ быть тебѣ закрыту,
«Ты подъ то подлѣзь корыто,
«Втихомолку примѣчай;
«Да смотри же, не зѣвай.
«До восхода, слышь, зарницы
«Прилетятъ сюда Жаръ-птицы
И начнутъ пшено клевать,
Да по-своему кричать.

«Ты, которая по ближе,
«И схвати ее, смотри же !
«А поймашь птицу-жаръ,
И кричи на весь базаръ ;
«Я тотчасъ къ тебѣ явлюся.»

— «Ну, а если обожгуся?»

Говорить коньку Иванъ,
Разстилая свой кафтанъ.
«Рукавички взять придется ;
«Чай, плутовка больно жжется.»
Тутъ конекъ изъ глазъ исчезъ,
А Иванъ, крехтя, подлѣзъ
Подъ дубовое корыто,
И лежитъ тамъ, какъ убитой.

Вотъ полночною порой
Свѣтъ разлился надъ горой, —
Будто полдни наступаютъ :
Жары-птицы налетаютъ ;
Стали бѣгать и кричать,
И пшено съ виномъ клевать.

Нашъ Иванъ, отъ нихъ закрытой,
Смотрить птицъ изъ-подъ корыта,
И толкуеть самъ съ собой,
Разводя вотъ какъ рукой :
«Тьфу ты, дьявольская сила !
«Экъ ихъ—дряни привалило !
«Чай, ихъ тутъ десятковъ съ пять..
«Кабы всѣхъ переимать,—
«То-то было бы поживы !
«Печа молвить, страхъ красивы !
«Ножки красныя у всѣхъ ;
«А хвосты-то—сущій смѣхъ !
«Чай, такихъ у куриць нѣту ;
«А ужъ сколько, парень, свѣту,
«Словно батюшкина печь ! »
И, скончавъ такую рѣчь,
Самъ съ собою подъ лазейкой,
Нашъ Иванъ ужомъ да змѣйкой,
Ко пшену съ виномъ подползъ,—
Хватъ одну изъ птицъ за хвостъ.
«Ой ! конечикъ-горбуночикъ !

«Прибѣгай скорѣй, дружочикъ !»

«Я вѣдь птицу-то поймалъ.»

Такъ Иванъ-дуракъ кричалъ.

Горбунокъ тотчасъ явился.

«Ай, хозяинъ, отличился !»

Говорить ему конекъ :

«Ну, скорѣй ее въ мѣшокъ !»

«Да завязывай тужѣе ;

«А мѣшокъ привѣсь на шею,

«Надо намъ въ обратный путь.

—«Нѣтъ, дай птицъ-то мнѣ пугнуть !»

Говорить Иванъ: «Смотри-ка,

«Вишь, надсѣлися отъ крика !»

И, схвативши свой мѣшокъ,

Хлещеть вдоль и поперекъ.

Яркимъ пламенемъ сверкая,

Встрепенулася вся стая,

Кругомъ огненнымъ свилась

И за тучи понеслась.

А Иванъ нашъ въ слѣдъ за ними

Рукавицами своими

Такъ и машеть и кричить,
Словно щелокомъ облить.
Птицы въ тучахъ потерялись ;
Наши путники собрались,
Уложили царскіи кладъ,
И вернулись назадъ.

Вотъ пріѣхали въ столицу.
«Что, досталъ ли ты Жарь-птицу?»
Царь Ивану говоритъ,
Самъ на Спальника глядитъ.
А ужъ тотъ, нешто отъ скуки,
Искусалъ себѣ все руки.
«Разумѣется, досталъ,»
Нашъ Иванъ Царю сказалъ. —
«Гдѣ жъ она?» «Постой немножко,
«Прикажи сперва окошко
«Въ почивальнѣ затворить,
«Знаешь, чтобъ темень сотворить.»
Тутъ дворяна побѣжали,
И окошко затворяли.

Вотъ Иванъ мѣшокъ на столъ.
«Ну-ка, бабушка, пошелъ!»
Свѣтъ такой тутъ вдругъ разлился,
Что весь людъ рукой закрылся,
Царь кричитъ на весь базаръ :
«Ахти, батюшки, пожаръ !
«Эй, рѣшоточныхъ сзывайте!
«Заливайте ! заливайте ! »
—« Это, слышь ты, не пожаръ,
«Это свѣтъ отъ птицы-жаръ. »
Молвилъ ловчій, (самъ со смѣху
Надрываясь): « потѣху
«Я привезъ те, Осударь ! »—
Говоритъ Ивану царь :
«Вотъ, люблю дружка-Ванюшу!
«Взвеселилъ мою ты душу,
«И на радости такой—
«Будь же царской Стремянной ! »

Это видя, хитрый Спальникъ,
Прежній конюшихъ начальникъ,

Говоритъ себѣ подъ носъ :

« Нѣтъ, постой, молокососъ !

« Не всегда тебѣ случится

«Такъ канальски отличиться.

«Я те снова подведу,

«Мой дружочекъ, подь бѣду ! »

—

Черезъ три потомъ недѣли,

Вечеркомъ однимъ сидѣли

Въ царской кухнѣ повара

И служители Двора ;

Попивали медъ изъ жбана,

Да читали Еруслана.

« Эхъ ! » одинъ слуга сказалъ,

« Какъ севодни я досталъ

«Отъ сосѣда чудо-книжку !

«Въ ней страницъ не такъ чтобъ слишкомъ,

« Да и сказокъ только пять ;

« А ужъ сказки—вамъ сказать,

«Такъ не можно надивиться ;

« Надо жъ эдакъ умудриться ! »

Тутъ всё въ голосъ : « Удружи ! »

« Расскажи, братъ, расскажи ! »

— « Ну, какую жь вы ходите ? »

« Пять вѣдь сказокъ ; вотъ смотрите :

« Перва сказка о *Бобръ* ;

« А вторая о *Царь* ;

« Третья.... дай Богъ, память.... точно ! »

« О *Боярынь восточной* ;

« Вотъ въ четвертой ; *Князь Бобыль* ;

« Въ пятой.... въ пятой.... эхъ, забылъ ! »

« Въ пятой сказкѣ говорится.... »

« Такъ въ умѣ вотъ и вертится.... »

— « Ну, да брось ее ! » — « Постой !... »

« О красоткѣ что ль какой ? »

— « Точно ! Въ пятой говорится »

« О *прекрасной Царь-дѣвицѣ*. »

« Ну, которую жь, друзья, »

« Расскажу севодни я ! »

— « Царь-дѣвицу ! » всё кричали ;

« О царяхъ мы ужъ слышали, »

« Намъ красотокъ-то скорѣй ! »

«Ихъ и слушать веселѣй.»

И слуга, усѣвшись важно,

Сталъ разсказывать протяжно :

«У далекихъ Нѣмскихъ странъ

«Есть, ребята, океанъ.

«По тому ли океану

«Бздять только Бесурманы;

«Съ православной же земли

«Не бывали николѣ,

«Ни дворяне, ни міряне

«На поганомъ океанѣ.

«Отъ гостей же слухъ идетъ,

«Что дѣвица тамъ живетъ ;

«Но дѣвица не простая,

«Дочь, вишь, мѣсяцу родная,

«Да и солнышко ей братъ.

«Та дѣвица, говорятъ,

«Бздитъ въ красномъ полушубкѣ,

«Въ золотой, ребята, шлюпкѣ,

«И серебрянымъ весломъ

« Самолічно править въ немъ ;

« Разны пѣсни поѣваеъ,

« И на гусельцахъ играеъ.... »

Спальникъ тутъ съ палатей скокъ,

И со всѣхъ обѣихъ ногъ

Во дворецъ къ Царю пустился,

И какъ разъ къ нему явился ;

Стукнулъ крѣпко объ полъ лбомъ,

И запѣлъ Царю потомъ :

« Я съ повинной головою,

« Царь, явился предъ тобою,

« Не вели меня казнить,

« Прикажи мнѣ говорить ! »

— « Говори, да правду только

« И не ври, смотри, нисколько ! »

Царь съ кровати закричалъ.

Хитрый Спальникъ отвѣчалъ :

« Мы севодни въ кухнѣ были,

« За твое здоровье пили,

« А одинъ изъ дворскихъ слугъ

«Насъ забавилъ сказкой вслухъ ;

« Въ этой сказкѣ говорится

«О прекрасной Царь-дѣвицѣ.

«Вотъ твой царской Стремянной

«Поклялся твоей брадой,

«Что онъ знаетъ эту птицу, —

«Такъ онъ называлъ Царь-дѣвицу, —

«И ее, изволишь знать,

«Похваляется достать.»

Спальникъ стукнулъ объ полъ снова.

«Гей, позвать мнѣ Стремяннова!»

Царь посыльнымъ закричалъ.

Спальникъ тутъ за печку сталъ ;

А посыльные дворяна

Побѣжали по Ивана ;

Въ крѣпкомъ снѣ его нашли,

И въ рубашкѣ привели.

Царь такъ началъ рѣчь : «Послушай,

«На тебя доносъ, Ванюша.

«Говорятъ, что вотъ сейчасъ,

« Похвалялся ты для насъ

« Отыскать другую птицу ;

« Спрѣчь, молвить, Царь-дѣвицу....»

— « Что ты, что ты, Богъ съ тобой !»

Началь царской Стремянной :

« Чай съ просонковъ, я толкую,

« Шутку выкинулъ такую.

« Да хитри себѣ какъ хошь,

« А меня не проведешь. »

Царь, затрясши бородою, —

« Что, рядиться мнѣ съ тобою ? »

Закричалъ онъ : « Но смотри,

« Если ты недѣли въ три

« Не достанешь Царь-дѣвицу

« Въ нашу царскую свѣтлицу,

« То, клянуся бородой,

« Ты заплатишься со мной :

« На правожъ, — въ рѣшетку, — на колъ !

« Вонъ холопъ ! » Иванъ заплакалъ,

И пошелъ на сѣноваль,

Гдѣ конекъ его лежалъ.

«Что, Иванушка, не весель?»

«Что головушку повѣсилъ?...»

Говорить ему конекъ :

«Аль, мой милый, занемогъ?»

«Аль попался къ лиходѣю?»

Палъ Иванъ къ коньку на шею,

Обнималъ и цѣловалъ.

«Охъ, бѣда, конекъ!» сказалъ :

«Царь велитъ въ свою свѣтлицу

«Миѣ достать, слышь, Царь-дѣвицу.

«Что миѣ дѣлать, Горбунокъ?»

Говорить ему конекъ :

«Велика бѣда, не спору ;

«Но могу помочь я горю.

«Отъ того бѣда твоя,

«Что не слушался меня.

«Но сказать тебѣ по дружбѣ,

«Это службишка, не служба ;

«Служба все, братъ, впереди !

«Ты къ Царю теперь поди,

«И скажи : — Вѣдь для поимки,

«Надо, Царь, мнѣ двѣ ширинки,
«Шитой золотомъ шатеръ,
«Да обѣденный приборъ —
«Весь заморскаго варенья,
«И сластей для прохлажденья.»

Вотъ Иванъ къ Царю идетъ
И такую рѣчь ведетъ:
«Для царевниной поимки
«Надо, Царь, мнѣ двѣ ширинки,
«Шитой золотомъ шатеръ,
«Да обѣденный приборъ —
«Весь заморскаго варенья,
«И сластей для прохлажденья.»
— «Вотъ давно бы такъ, чѣмъ нѣтъ,»
Царь съ кровати далъ отвѣтъ,
И велѣлъ, чтобы дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцомъ его назваъ,
И—«счастливый путь!» сказаъ.

На другой день, утромъ рано,
Разбудилъ конекъ Ивана :
« Гей, хозяинъ! полно спать !
« Время дѣло исправлять ! »
Вотъ Иванушка поднялся,
Въ путь-дорожку собирался,
Взялъ ширинки и шатерь,
Да обѣденный приборъ —
Весь заморскаго варенья,
И сластей для прохлажденья;
Все въ мѣшокъ дорожный склалъ,
И веревкой завязалъ.
Потеплѣе приодѣлся,
На конькѣ своемъ усѣлся;
Вынулъ хлѣба ломотокъ,
И поѣхалъ на востокъ,
По тое-ли Царь-дѣвицу.

Бдутъ цѣлую седмицу.
Напоследокъ, въ день осьмой,
Приѣзжаютъ въ лѣсъ густой.

Тутъ сказалъ конекъ Ивану :

« Вотъ дорога къ Океану,

« И на немъ-то круглый годъ

« Та красавица живетъ ;

« Два раза она лишь сходитъ

« Съ Океана, и приводитъ

« Долгій день на землю къ намъ.

« Вотъ увидишь завтра самъ.»

И, окончивъ рѣчь къ Ивану,

Выбѣгаетъ къ Океану,

На которомъ бѣлый валъ

Одинешенекъ гулялъ.

Тутъ Иванъ съ конька слѣзаетъ,

А конекъ ему вѣщаетъ :

« Ну, раскидывай шатеръ,

« На ширинку ставь приборъ

« Изъ заморскаго варенья

« И сластей для прохлажденья.

« Самъ ложися за шатромъ.

« Да смекай себѣ умомъ.

« Видишь, шлюпка вонъ мелькаетъ...

«То Царевна подплываетъ.

«Пусть въ шатер она войдетъ,

«Пусть покушаетъ, попьетъ;

«Вотъ какъ въ гусли заиграетъ, —

«Знай, ужъ время наступаетъ :

«Ты тотчасъ въ шатеръ вбѣгай,

«Ту Царевну сохватай,

«И держи ее сильнѣе,

«Да зови меня скорѣе.

«Я на первый твой приказъ

«Прибѣгу къ тебѣ какъ разъ ;

«И поѣдемъ.... Да смотри же,

«Вы гляди за ней поближе ;

«Если жъ ты ее проспишь,

«Такъ бѣды не избѣжишь.»

Тутъ конекъ изъ глазъ сокрылся,

За шатеръ Иванъ забился,

И давай диру вертѣть,

Чтобъ Царевну подсмотрѣть.

Ясный полдень наступаетъ ;

Царь-дѣвица подплываетъ,
Входитъ съ гуслими въ шатеръ
И садится за приборъ.
«Хмъ! такъ вотъ та Царь-дѣвица!
«Какъ же въ сказкахъ говорится,»
Разсуждаетъ Стремянної:
«Что куда красна собой
«Царь-дѣвица, такъ что диво!
«Эта вовсе не красива:
«И блѣдна-то, и тонка,
«Чай, въ обхватъ-то три вершка;
«А ножонка-то, ножонка!
«Тьфу ты! словно у цыпленка!
«Пусть полюбится кому,
«Я и даромъ не возьму.»
Тутъ Царевна заиграла,
И столь сладко припѣвала,
Что Иванъ, не зная какъ,
Прикорнулся на кулакъ;
И подъ голосъ тихой, стройной,
Засыпаетъ преспокойно.

Западъ тихо догоралъ.

Вдругъ конекъ подъ нимъ заржалъ,

И, толкнувъ его копытомъ,

Крикнулъ голосомъ сердитымъ :

« Спи, любезный, до звѣзды !

« Высыпай себѣ бѣды !

« Не меня вѣдь вздернуть на колъ !»

Тутъ Иванушка заплакалъ

И, рыдаючи, просилъ,

Чтобъ конекъ его простилъ.

« Отпуети вину Ивану,

« Я впредь ужъ спать не стану.»

— « Ну, ужъ Богъ тебя простить !»

Горбунокъ ему кричить :

« Все поправимъ, можетъ статья,

« Только чуръ не засыпаться ;

« Завтра, рано по утру,

« Къ златошвейному шатру

« Приизываетъ опять Дѣвица —

« Меду сладкаго напиться.

« Если жъ снова ты заснешь,

«Головы ужъ не снесешь.»
Тутъ конекъ опять сокрылся;
А Иванъ собирать пустился
Острыхъ камней и гвоздей
Отъ разбитыхъ кораблей,
Для того, чтобъ уколотся,
Если вновь ему вздремнется.

На другой день, по утру,
Къ златошвейному шатру
Царь-дѣвица подилываетъ,
Шлюпку на берегъ бросаетъ,
Входитъ съ гуслими въ шатеръ
И садится за приборъ....
Вотъ Царевна заиграла,
И столь сладко припѣвала,
Что Иванушкѣ опять
Захотѣлося поспать.
«Нѣтъ, постой же ты, дрянная!»
Говорить Иванъ, вставая:
«Ты вдругорядъ не уйдешь,

Грав. на дер. Л. Сѣряковъ.

Печ. Э. Шефферъ.

«И меня не проведешь.»

Тутъ въ шатеръ Иванъ вбѣгаетъ,

Косу длинную хватаетъ...

«Ой, бѣги, конекъ, бѣги!

«Горбунокъ мой, помоги!»

Вмигъ конекъ къ нему явился.

«Ай, хозяинъ, отличился!»

«Ну, садись же поскорѣй,

«Да держи ее плотнѣй!»

Вотъ столицы достигаетъ.

Царь къ Царевнѣ выбѣгаетъ,

За бѣлы руки беретъ,

Во дворецъ ее ведетъ,

И садитъ за столъ дубовой

И подъ занавѣсъ шелковой;

Въ глазки съ нѣжностью глядитъ,

Сладки рѣчи говоритъ:

«Безподобная дѣвица!

«Согласися быть Царица.

«Я тебя едва узрѣлъ, —

«Сильной страстью воспыхълъ»

«Соколины твои очи

«Не дадутъ мнѣ спать средь ночи,

«И во время бѣла дня,

«Охъ! измучаютъ меня.

«Молви ласковое слово !

«Все для свадьбы ужъ готово ;

«Завтра жъ утромъ, свѣтикъ мой,

«Обвѣнчаемся съ тобой

«И начнемъ жить припѣвая.»

А Царевна молодая ,

Ничего не говоря,

Отвернулась отъ Царя.

Царь нисколько не сердился,

Но сильнѣй еще влюбился ;

На колѣнъ предъ нею сталъ,

Ручки нѣжно пожималъ

И балясы началъ снова :

«Молви ласковое слово !

«Чѣмъ тебя я огорчилъ ?

Али тѣмъ, что полюбилъ ?

«О, судьба моя плачевна!»

Говорить ему Царевна :

«Если хочешь взять меня,

«То доставь ты мнѣ въ три дня

«Перстень мой изъ Океана.»

—«Гей! позвать ко мнѣ Ивана!»

Царь поспѣшно закричалъ,

И чуть самъ не побѣждалъ.

Вотъ Иванъ къ Царю явился.

Царь къ нему оборотился

И сказалъ ему: «Иванъ!

«Поѣзжай на Океанъ ;

«Въ Океанѣ томъ хранится

«Перстень, слышь ты, Царь-дѣвицы.

«Коль достанешь мнѣ его,

«Задарю тебя всего.»

—«Я и съ первой-то дороги

«Волочу насилу ноги ;

«Ты опять на Океанъ!»

Говорить Царю Иванъ.

«Какъ же, плутъ, не торопиться :

«Видишь, я хочу жениться!»

Царь со гнѣвомъ закричалъ,

И ногами застучалъ :

«У меня не отпирайся,

«А скорѣе отправляйся!»

Тутъ Иванъ хотѣлъ идти.

«Эй, послушай! по пути,»

Говорить ему Царица :

«Заѣзжай ты поклониться

«Въ изумрудной теремъ мой,

«Да скажи моей родной :

«Дочь ея узнать желаетъ,

«Для чего она скрываетъ

«По три ночи, по три дня

«Ликъ свой ясный отъ меня?

«И зачѣмъ мой братецъ красный

«Завернулся въ мракъ несчастный,

«И въ туманной вышнѣ

«Не пошлетъ зуча ко мнѣ?

«Не забудь же!»— «Помнить буду,

«Если только не забуду;

«Да вѣдь надо же узнать —

«Кто те братецъ, кто те мать,

«Чтобъ въ роднѣ-то намъ не сбиться.»

Говорить ему Царица:

«Мѣсяцъ—мать миѣ, солнце—братъ.»

—«Да, смотри, въ три дня назадъ!»

Царь-женихъ къ тому прибавилъ.

Тутъ Иванъ Царя оставилъ,

И пошелъ на сѣноваль,

Гдѣ конекъ его лежалъ.

«Что, Иванушка, не весель?»

«Что головушку повѣсилъ?»

Говорить ему конекъ,—

«Помоги миѣ, Горбунокъ!

«Видишь, вздумалъ Царь жениться,

«Знашь, на тоненькой Царицѣ,

«Такъ и шлетъ на Океанъ,»

Говорить коньку Иванъ:

«Далъ миѣ сроку три дня только ;

«Тутъ попробовать изволь-ка
«Перстень дьявольской достать!
«Да велѣла заѣзжать
«Эга тонкая Царица
«Гдѣ-то въ теремъ поклониться
«Солнцу, мѣсяцу, притомъ—
«И спросать кое объ чемъ...» —
Тутъ конекъ: «Сказать по дружбѣ,
«Это службишка не служба ;
«Служба все, братъ, впереди !
«Ты теперь спать поди ;
«А на завтра, утромъ рано,
«Мы поѣдемъ къ Океану.»

На другой день нашъ Иванъ,
Взявъ три луковки въ карманъ,
Потеплѣе приодѣлся,
На конькѣ своемъ усѣлся,
И поѣхалъ въ дальній путь...
Дайте, братцы отдохнуть !

ЧАСТЬ III.

«Доселева Макарь огороды капаль,
«А нынче Макарь въ воеводы поцалъ.»

Та-ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора ;
Вотъ крестьяне ихъ поймали,
Да покрѣпче привязали.—
Сидить воронъ на дубу,
Онъ играетъ во трубу ;
Какъ во трубушку играетъ,
Православныхъ потѣшаетъ :
«Эй! послушай, людъ честной !
«Жили-были мужъ съ женой ;
«Мужъ-то примется за шутки,

«А жена за прибаутки,
«И пойдеть у нихъ тутъ пиръ,
«Что на весь крещеный міръ!»
Это присказка ведется,
Сказка послѣ начнется.
Какъ у нашихъ у воротъ
Муха пѣсенку поетъ:

«Что дадите мнѣ за вѣстку ?
«Бьетъ свекровь свою невѣстку :

«Посадила на шестокъ,
«Привязала за шнурокъ,
«Ручки къ ножкамъ притянула,
«Ножку правую разула.
«Не ходи ты по зарямъ!
«Не кажися молодцамъ!»

Эта присказка велася,
Вотъ и сказка началась.

Ну-съ, такъ ѣдетъ нашъ Иванъ
За кольцомъ на Океанъ.
Горбунокъ летитъ, какъ вѣтеръ,

И въ починѣ на первый вечеръ
Верстѣ сто тысячъ отмахаль,
И нигдѣ не отдыхаль.

Подъѣзжая къ Океану,
Говорить конекъ Ивану:
« Ну, Иванушка, смотри,
« Вотъ минутки черезъ три
« Мы приѣдемъ на поляну —
« Прямо къ морю-Океану;
« Поперегъ его лежитъ
« Чудо-юдо рыба-китъ ;
« Десять лѣтъ ужъ онъ страдаетъ,
« А доселева не знаетъ,
« Чѣмъ прощенье получить ;
« Онъ учнетъ тебя просить,
« Чтобъ ты въ солнцевомъ селеньѣ
« Попросилъ ему прощенье ;
« Ты исполнить обѣщай,
« Да, смотри жъ, не забывай !»

Вотъ въѣзжаетъ на поляну
Прямо къ морю-Океану;
Поперегъ его лежитъ
Чудо-юдо рыба-китъ.
Всѣ бока его изрыты,
Частоколы въ ребра вбиты,
На хвостъ сыръ-боръ шумить,
На спинѣ село стоитъ:
Мужички на губѣ пашутъ,
Между глазъ мальчишки пляшутъ,
А въ дубравѣ, межъ усовъ,
Ищутъ дѣвушки грибовъ.

Вотъ конекъ бѣжить по киту,
По костямъ стучить копытомъ.
Чудо-юдо рыба-китъ
Такъ проѣжимъ говорить,
Ротъ широкой отворяя,
Тяжко, горько воздыхая:
«Путь-дорога, господа!
«Вы откуда и куда?»

— «Мы послы отъ Царь-дѣвицы,

«Бдемъ оба изъ столицы,»

Говорить киту конекъ :

«Къ солнцу прямо на Востокъ,

«Во хоромы золотые.»

— «Такъ нельзя ль, отцы родные,

«Вамъ у Солнышка спросить:

«Долго ль миѣ въ опалѣ быть;

«И за кои прегрѣшенья

«Я терплю бѣды мученья?»»

— «Ладно, ладно, рыба-китъ!»

Нашъ Иванъ ему кричить. —

«Будь отецъ миѣ милосердный!

«Вишь, какъ мучуся я—бѣдный!

«Десять лѣтъ ужъ тутъ лежу....

«Я и самъ те услужу!...»

Китъ Ивана умоляетъ,

Самъ же горько воздыхаетъ. —

«Ладно, ладно, рыба-китъ!»

Нашъ Иванъ ему кричить.

Тутъ конекъ подъ нимъ забился,

Прыгъ на берегъ, и пустился;
Только видно, какъ песокъ
Вьется вихоремъ у ногъ.

Бдутъ близко ли, далеко,
Бдутъ низко ли, высоко
И увидѣли ль кого—
Я незнаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дѣло мѣшкотно творится.
Только, братцы, я узналъ
Что конекъ туда вбѣжалъ,
Гдѣ (я слышалъ стороною)
Небо сходится съ землею,
Гдѣ крестьянки лень прядутъ,
Прялки на небо кладутъ.

Тутъ Иванъ съ землею простился,
И на небѣ очутился,
И поѣхалъ, будто князь,
Шапка на бокъ, подбодрясь.
« Эко диво ! эко диво !

« Наше царство хоть красиво, »

Говорить коньку Иванъ

Средь лазоревыхъ полянъ :

« А какъ съ небомъ-то сравнится, »

« Такъ подь стельку не годится. »

« Что земля-то !... вѣдь она »

И черна-то и грязна ;

« Здѣсь земля-то голубая, »

« А ужь свѣтлая какая !... »

« Посмотри-ка, Горбунокъ, »

« Видишь, вонъ-гдѣ, на Востокъ, »

« Словно свѣтится зарница... »

« Чай, небесная свѣтлица... »

« Что-то больно высока ! »

Такъ спросилъ Иванъ конька.

— « Это теремъ Царь-дѣвицы, »

« Нашей будущей Царицы, »

Горбунокъ ему кричить :

« По почамъ здѣсь солнце спить, »

« А полуденной порою »

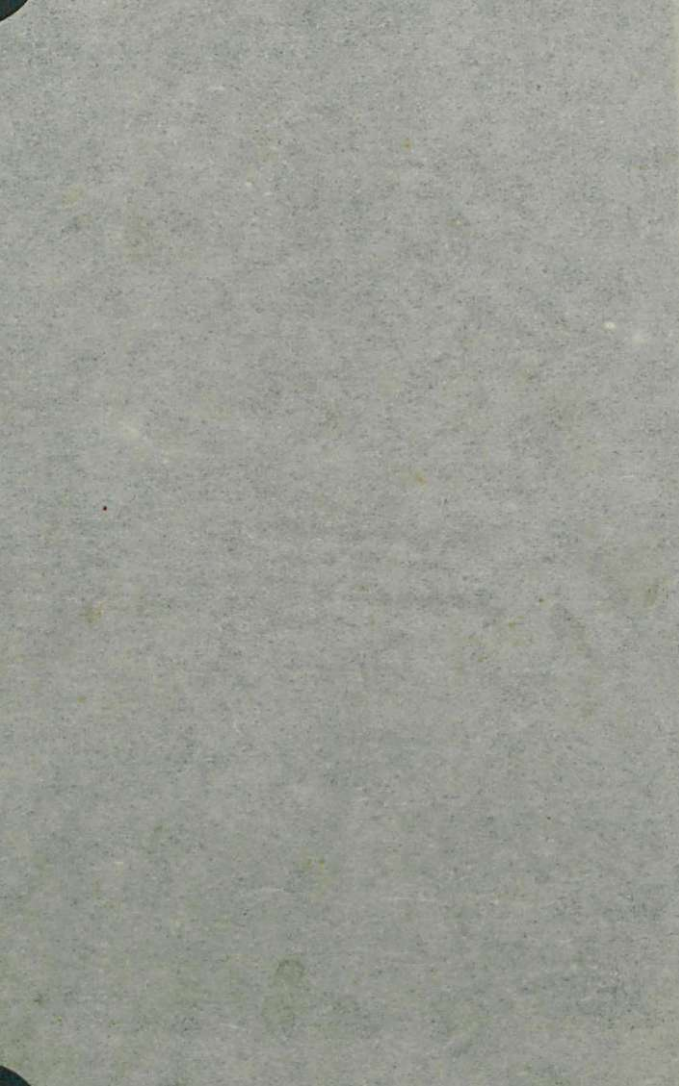
« Мѣсяцъ входитъ для покою. »

Подъѣзжаютъ ; у воротъ
Изъ столбовъ хрустальный сводъ ;
Всѣ столбы тѣ завитые
Хитро въ змѣйки золотые ;
На верхушкахъ три звѣзды,
Вокругъ терема сады ;
На сѣребряныхъ тамъ веткахъ,
Въ раззолоченныхъ во клѣткахъ
Птицы райскія живутъ,
Пѣсни царскія поютъ.
А вѣдь теремъ съ теремами,
Будто городъ съ деревнями ;
А на теремѣ изъ звѣздъ—
Православный Русскій крестъ.

Вотъ конекъ во дворъ въѣзжаетъ ;
Нашъ Иванъ съ него слѣзаетъ,
Въ теремъ къ Мѣсяцу идетъ
И такую рѣчь ведетъ :
« Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцovichъ !
« Я—Иванушка Петровичъ,

Грав. на дер. Л. Сѣряковъ.

Печ. Э. Шефферъ.

«И зъ далекихъ я сторонъ
« И привезъ тебѣ поклонъ. »
— «Сядь, Иванушка Петровичъ ! »
Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцovichъ ;
« И повѣдай мнѣ вину
« Въ нашу свѣтлую страну
« Твоего съ земли прихода ;
« Изъ какого ты народа,
«Какъ попалъ ты въ этотъ край, —
« Все скажи мнѣ, не утай. »
— « Я съ земли пришелъ Землянской
« Изъ страны вѣдь Христіанской, »
Говорить, садясь Иванъ :
«Переѣхалъ Океанъ
« Съ порученьемъ отъ Царицы —
« Въ свѣтлой теремъ поклониться,
« И сказать вотъ такъ, постой !
« Ты скажи моей родной:
« Дочь ея узнать желаетъ,
« Для чего она скрывается
« По три ночи, по три дня,

« Ликъ какой-то отъ меня ;

« И зачѣмъ мой братецъ красной

« Завернулся въ мракъ ненастной,

« И въ туманной вышинѣ

« Не пошлетъ луча ко мнѣ ?

« Такъ, кажися ? — Мастерница

« Говорить красно Царица ;

« Не припомнишь все сполна,

« Что сказала мнѣ она. »

— « А какая то Царица ? » —

« Это, знаешь, Царь-дѣвица. »

— « Царь-дѣвица ? ... Такъ она

« Что ль тобой увезена ? »

Вскрикнулъ Мѣсяцъ Мѣсяцovichъ.

А Иванушка Петровичъ

Говорить : « Извѣстно, мной !

« Вишь, я царской стремянной ;

« Ну, такъ Царь меня отправилъ,

« Чтобы я ее доставилъ

« Въ три недѣли въ дворецъ ;

« А не то, меня, отецъ,

«Посадить грозился на козъ.»
Мѣсяць съ радости заплакалъ,
Ну Ивана обнимать,
Цѣловать и миловать.
«Ахъ, Иванушка Петровичъ!»
«Молвилъ Мѣсяць Мѣсяцovichъ:
«Ты принесъ такую вѣсть,
«Что не знаю чѣмъ и счесть!
«А ужъ мы какъ горевали,
«Что Царевну потеряли!...
«Отъ того-то, видишь, я
«По три ночи, по три дня
«Въ темномъ облакѣ ходила,
«Все грустила, да грустила,
«Трое сутокъ не спала,
«Крошки хлѣба не брала,
«Отъ того-то сынъ мой красный
«Завернулся въ мракъ ненастный,
«Лучь свой жаркій погасилъ,
«Міру Божью не свѣтилъ:
«Все грустилъ, вишь, по сестрицѣ,

«Той ли красной Царь-дѣвицѣ.

«Что, здорова ли она?

«Не грустна ли, не больна?»

—«Всѣмъ бы, кажется, красотка,

«Да у ней, кажись, сухотка:

«Ну, какъ спичка, слышь, тонка,

«Чай въ обхватъ-то три вершка;

«Вотъ какъ замужъ-то поспѣетъ,

«Такъ небось и потолстѣетъ:

«Царь, слышь, женится на ней.»

Мѣсяцъ вскрикнулъ! «Ахъ, злодѣй!

«Вздумалъ въ семьдесятъ жениться

«На молоденькой дѣвицѣ!

«Да стою я крѣпко въ томъ,

«Просидитъ онъ женихомъ!

«Вишь, что старій хрѣнъ затѣялъ:

«Хочетъ жать тамъ, гдѣ не сѣялъ!

«Полно, лакомъ больно сталъ!»

Тутъ Иванъ опять сказалъ:

»Есть еще къ тебѣ прошенье,

«То о китовомъ прощеньѣ....»

«Есть, вишь, море; чудо-кить
«Поперегъ его лежить;
«Всѣ бока его изрыты,
«Частоколы въ ребра вбиты....
«Онъ, бѣднякъ, меня прошалъ
«Чтобы я тебя спрошалъ:
«Скоро ль кончится мученье?
«Чѣмъ сыскать ему прощенье?
«И на что онъ тутъ лежить?» —
Мѣсяцъ ясной говоритъ:
«Онъ за то несетъ мученье,
«Что, безъ Божія велѣнья,
«Проглотилъ среди морей
«Три десятка кораблей.
«Если дать онъ имъ свободу,
«Сниметъ Богъ съ него невзгоду,
«Вмигъ всѣ раны заживить,
«Долгимъ вѣкомъ наградить.»

Тутъ Иванушка поднялся,
Съ свѣтлымъ Мѣсяцомъ прощался.

Крѣпко шею обнимать,
Трижды въ щеки цѣловать.
«Ну, Иванушка Петровичъ!»
Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцovichъ :
«Благодарствую тебя
«За сына и за себя.
«Отнеси благословенье
«Нашей дочкѣ въ утѣшенье,
«И скажи моей родной :
—«Мать твоя всегда съ тобой ;
«Полно плакать и крушиться;
«Скоро грусть твоя рѣшится,—
«И не старой, съ бородой,
«А красавецъ молодой
«Поведетъ тебя къ палатѣ.—
«Ну, прощай же! Богъ съ тобою!»
Поклонившись, какъ умѣлъ,
На конька Иванъ тутъ сѣлъ,
Свиснулъ, будто витязь знатной,
И пустился въ путь обратной.

На другой день нашъ Иванъ
Вновь пришелъ на Океанъ.
Вотъ конекъ бѣжить по киту,
По костямъ стучить копытомъ.
Чудо-юдо рыба-китъ

Такъ, вздохнувши, говорить :

« Что, отцы, мое прошенье ?

« Получу-ль когда прощенье ? »

— « Погоди ты, рыба китъ ! »

Тутъ конекъ ему кричить.

Вотъ въ село онъ прибѣгаетъ,
Мужиковъ себѣ сзываетъ,
Черной гривкою трясетъ,
И такую рѣчь ведетъ :

« Эй, послушайте, міряне,

« Православны Христіане !

« Коль не хочетъ кто изъ васъ

« Къ водяному сѣсть въ приказъ,

« Убирайся вмгъ отсюда.

« Здѣсь тотчасъ случится чудо :

«Море спльно закипитъ,
«Повернется рыба-китъ....»
Тутъ крестьяне и міряне,
Православны Христіане,
Закричали: «Быть бѣдамъ!»
И пустились по домамъ.
Всѣ телеги собирали ;
Въ нихъ, не мѣшкая, поклали
Все, что было живота, —
И оставили кита.
Утро съ полднемъ повстрѣчалось,
А въ селѣ ужъ не осталось
Ни одной души живой,
Словно шелъ Мамай войной !

Тутъ конекъ на хвостъ вбѣгаетъ,
Къ перьямъ близко прилегаеть,
И что мочи есть кричить :
«Чудо-юдо рыба-китъ !
«Отъ того твои мученья,
«Что, безъ Божія велѣнья,

«Проглотилъ ты средь морей
«Три десятка кораблей,
«Если дашь ты имъ свободу,
«Сниметь Богъ съ тебя невзгоду,
«Вмигъ всѣ раны заживить,
«Долгимъ вѣкомъ наградить.»
И, окончивъ рѣчь такую,
Закусилъ узду стальную,
Понатужился—и въ мигъ
На далекій берегъ прыгъ.

Чудо-китъ зашевелился,
Словно холмъ поворотился,
Началъ море волновать
И изъ челюстей бросать
Корабли за кораблями,
Съ парусами и гребцами.

Тутъ поднялся шумъ такой,
Что проснулся Царь морской:
Въ пушки мѣдныя палили,

Въ трубы кованы трубили;
Бѣлой парусъ поднялся,
Флагъ на мачтѣ развился,
Попъ съ причетомъ всѣмъ служебнымъ
Пѣлъ на палубѣ молебны;
А гребцовъ веселый рядъ
Грянулъ пѣсню на подхватъ :
«Какъ по моречку по морю,
«По широкому раздолью,
«Что по самой край земли,
«Выбѣгаютъ корабли....»

Волны моря закрубились,
Корабли изъ глазъ сокрылись,
Чудо-юдо рыба-китъ
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Ротъ широкой отворяя,
Плесомъ волны разбивая:
«Чѣмъ вамъ, други, услужить ?
«Чѣмъ за службу наградить ?
«Надо ль раковинъ цвѣтистыхъ ?

«Надо ль рыбокъ золотистыхъ ?»

«Надо ль крупныхъ жемчуговъ ?»

«Все достать для васъ готовъ!»

—«Нѣтъ, китъ-рыба, намъ въ награду

«Ничего того не надо,»

Говорить ему Иванъ :

«Лучше перстень намъ достань, —

«Перстень, знаешь, Царь-дѣвицы,

«Нашей будущей Царицы.»

—«Ладно, ладно ! для дружка

«И сережку изъ ушка !»

«Отыщу я до зарницы

«Перстень красной Царь-дѣвицы,»

Китъ Ивану отвѣчалъ,

И, какъ ключь, на дно упалъ.

Вотъ онъ плесомъ ударяетъ,

Громкимъ голосомъ сзываетъ

Осетринной весь народъ,

И такую рѣчь ведетъ :

«Вы достаньте до зарницы

Перстень красной Царь-дѣвицы,
« Скрытый въ ящичкѣ на днѣ.
« Кто его доставить мнѣ,
« Награжу того я чиномъ :
« Будеть Думнымъ Дворяниномъ.
« Если жъ умной мой приказъ
« Не исполните.... я васъ ! »
Осетры тутъ поклонились
И въ порядкѣ удалились.

Черезъ нѣсколько часовъ,
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ киту медленно подплыли,
И смиренно говорили :
« Царь великій ! не гнѣвись !
« Мы все море ужъ, кажись,
« Исходили и изрыли,
« Но и знаку не открыли.
« Только ершъ одинъ изъ насъ
« Совершилъ бы твой приказъ ;
« Онъ по всѣмъ морямъ гуляетъ ,

«Такъ ужъ вѣрно перстень знать ;

«Но его, какъ бы на зло,

«Ужъ куда-то унесло.»

—«Отыскать его въ минуту,

«И послать въ мою каюту !»

Китъ сердито закричалъ,

И усами закачалъ.

Осетры тутъ поклонились,

Въ Земскій Судъ бѣжать пустились,

И велѣли въ тотъ же часъ

Отъ кита писать указъ,

Чтобъ гонцевъ скорѣй послали

И ерша того поймали.

Лещъ, услыша сей приказъ,

Имянной писалъ указъ ;

Сомъ (Совѣтникомъ онь звался)

Подъ указомъ подписался ;

Черный ракъ указъ сложилъ,

И печати приложилъ.

Двухъ дельфиновъ тутъ призвали

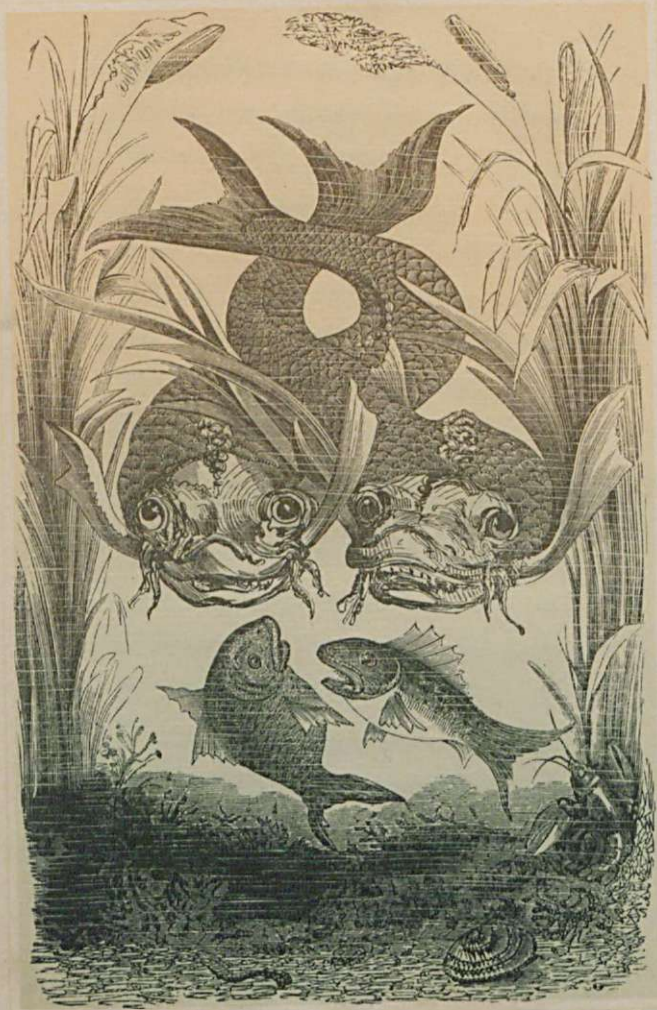
И, отдавъ указъ, сказали,
Чтобъ, отъ имени Царя,
Объжали всѣ моря,
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забіяку,
Гдѣ бы ни было нашли,
Къ Государю привели.
Тутъ дельфины поклонились,
И ерша искать пустились.

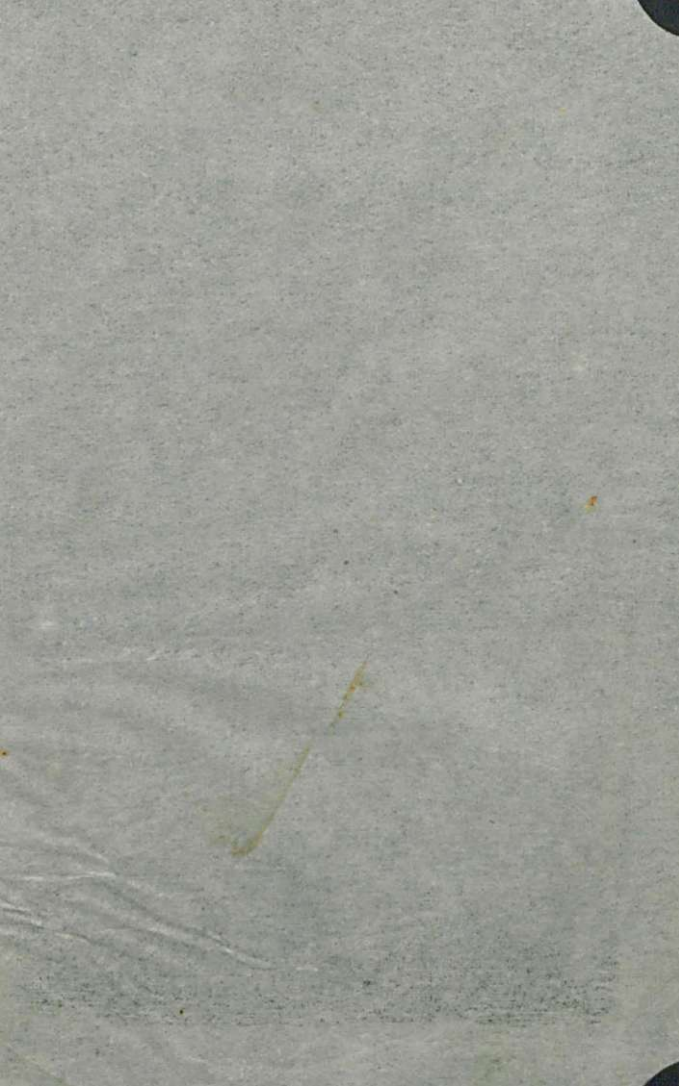
Ищутъ часъ они въ моряхъ,
Ищутъ часъ они въ рѣкахъ,
Всѣ озера пеходили,
Всѣ проливы переплыли,
Не могли ерша сыскать, —
И вернулись назадъ,
Чуть не плача отъ печали....

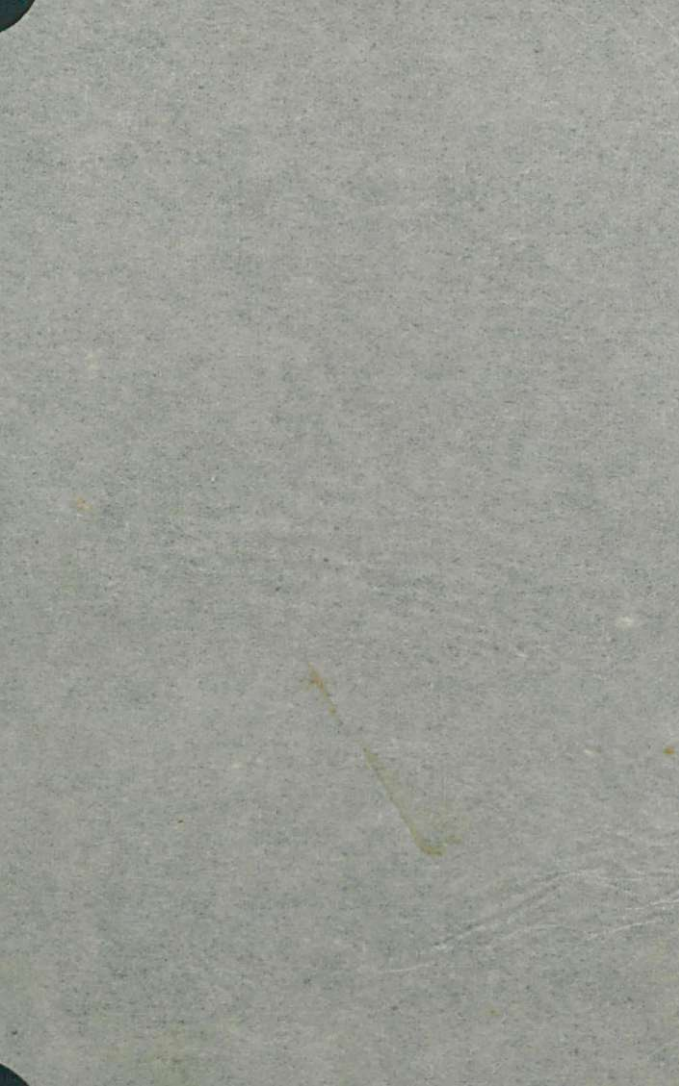
Вдругъ дельфины услышали,
Гдѣ-то въ маленькомъ прудѣ,
Крикъ неслыханной въ водѣ.

Въ прудъ дельфины завернули,
И на дно его нырнули, —
Глядь : въ прудъ подь камышемъ,
Ершь дерется съ карасемъ.

« Смирно ! черти бь васъ побрали ! »

« Вишь, содомъ какой подняли, »

« Словно важные бойцы ! »

Закричали имъ гонцы.

— « Ну, а вамъ какое дѣло ? »

Ершь кричитъ дельфинамъ смѣло :

« Я шутить вѣдь не люблю, »

« Разомъ всѣхъ переколю ! »

— « Охъ, ты, вѣчная гуляка, »

« И крикунъ и забіяка ! »

« Все бы, дрянъ, тебѣ гулять, »

« Все бы драться, да кричать; »

« Дома — пѣть, вѣдь, не сидится !... »

« Ну, да что съ тобой рядиться, — »

« Вотъ тебѣ царевъ указъ, »

« Чтобъ ты плыль къ нему тотчасъ. »

Тутъ проказника дельфины
По дватили за щетины,
И отправились назадъ.
Ершь ну рваться и кричать:
«Будьте милостивы, братцы!
«Дайте чуточку подраться.
«Распроклятой тотъ карась
«Поносилъ меня вчерась,
«При честномъ при всемъ собраньи
«Неподобной разной бранью....»
Долго ершь еще кричалъ,
Накопецъ и замолчалъ;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились предъ Царя.

«Что ты долго не являлся?
«Гдѣ ты, вражій сынъ, шатался?»
Китъ со гнѣвомъ закричалъ.
На колѣни ершь упалъ,

И, признавшись въ преступленьи,
Опъ молился о прощеньи.

«Пу, ужъ Богъ тебя простить!»

Китъ державной говорить :

«Но за то твое прощенье

«Ты исполни повелѣнье.»

—«Радъ стараться, чудо-китъ!»

На колѣняхъ ершъ пищить.

«Ты по всѣмъ морямъ гуляешь,

«Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаешь

«Царь-дѣвнцы?» — «Какъ не знать!

«Можемъ разомъ отыскать.»

—«Такъ ступай же поскорѣе,

«Да сыщи его живѣе!»

Тутъ, отдавъ Царю поклонъ,

Ершъ пошелъ согнувшись, вонъ.

Съ царской дворней побранился,

За плотвой поволочился,

И салакушкамъ шести

Носъ разбилъ опъ на пути.

Совершивъ такое дѣло,
Въ омутъ кинулся онъ смѣло,
И въ подводной глубинѣ
Вырылъ ящичекъ на днѣ —
Пудъ по крайней мѣрѣ во сто.
«О, здѣсь дѣло-то не просто!»
И давай изъ всѣхъ морей
Ершъ скликать къ себѣ сельдей.

Сельди духомъ собралися,
Сундучекъ тащить взялися,
Только слышно и всего —
У-у-у! да о-о-о!
Но сколь сильно не кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятой сундучекъ
Не дался и на вершокъ.
«Настоящія селетки!
«Вамъ кнута бы вмѣсто водки!»
Крикнулъ ершъ со всѣхъ сердцовъ,
И нырнулъ по осетровъ.

Осетры тутъ приплываютъ
И безъ крика поднимаютъ
Крѣпко ввязнувшій въ песокъ
Съ перстнемъ красный сундучекъ.

«Ну, ребятушки, смотрите,
«Вы къ Царю теперь плывите,
«Я жъ пойду теперь ко дну,
«Да немножко отдохну :
«Что-то сонъ одолѣваетъ,
«Такъ глаза вотъ и смыкается....»

Осетры къ Царю плывутъ.
Ершъ-гуляка прямо въ прудъ
(Изъ котораго дельфины
Утащили за щетины),
Чай додраться съ карасемъ,
Я не вѣдаю о томъ.
Но теперь мы съ нимъ простимся,
И къ Ивану возвратимся.

Тихо море Океанъ.
На пескѣ сидитъ Иванъ,

Ждетъ кита изъ снѣга моря,
И мурлыкаетъ отъ горя ;
Повалившись на песокъ,
Дремлетъ вѣрный Горбунокъ.
Время къ вечеру клонилось ;
Вотъ ужъ солнышко спустилось ;
Тихимъ пламенемъ горя,
Развернулася заря.
А кита не тутъ-то было.
«Чтобъ те, вора, задавило !
«Вишь, какой морской шайтанъ !»
Говоритъ себѣ Иванъ :
«Обѣщался до зарницы
«Вынести перстень Царь-дѣвицы,
«А доселѣ не сыскалъ,
«Окаянный зубоскалъ !
«А ужъ солнышко-то сѣло,
«И....» Тутъ море закипѣло :
Появился чудо-китъ
И къ Ивану говоритъ :
«За твое благодаренье ;

«Я исполнилъ обѣщанье.»
Съ этимъ словомъ сундучекъ
Брякнулъ плотно на песокъ,
Только берегъ закачался.
«Ну, теперь я расквитался.
«Если жъ вновь принужусь я,
«Позови опять меня;
«Твоего благодѣянья
«Не забыть мнѣ.... До свиданья!»
Тутъ кить-чудо замолчалъ,
И, всплеснувъ, на дно упалъ.

Горбунокъ-конекъ проснулся,
Всталъ на лапки, отряхнулся,
На Иванушку взглянулъ,
И четырежды прыгнулъ.
«Ай-да Кить-Китовичъ! славно;
«Долгъ свой выплатилъ исправно!
«Ну, спасибо, рыба-кисть!»
Горбунокъ-конекъ кричить.
«Что жъ, хозяинъ, одѣвайся,

«Въ путь-дорожку отправляйся;

«Три денька вѣдь ужъ прошло :

«Завтра срочное число ;

«Чай, старикъ ужъ умираеть.»

Тутъ Ванюша отвѣчаетъ :

«Радъ бы радостью поднять ;

«Да вѣдь силы не занять !

«Сундучишко больно плотень,

«Чай, чертей въ него пять сотенъ

«Кить проклятой насажалъ.

«Я ужъ трижды подымалъ ;

«Тяжесть страшная такая ! »

Тутъ конекъ, не отвѣчая,

Поднялъ ящичекъ ногой,

Будто камышекъ какой,

И взмахнулъ къ себѣ нашею .

«Ну, Иванъ, садись скорѣе !

«Помни, завтра минеть срокъ,

«А обратный путь далекъ. »

Сталъ четвертый день зориться,

Нашъ Иванъ уже въ столицѣ.

Царь съ крыльца къ нему бѣжитъ —

«Что кольцо мое?» кричитъ.

Тутъ Иванъ съ конька слѣзаетъ,

И преважно отвѣчаетъ :

«Вотъ тебѣ и сундучекъ !

«Да вели-ка скликать полкъ :

«Сундучишко малъ хотъ навидъ,

«Да и дьявола задавить. »

Царь тотчасъ стрѣльцовъ позовалъ

И, не медля, приказалъ

Сундучекъ отнестъ въ свѣтлицу.

Самъ пошелъ по Царь-дѣвицу.

«Перстень твой, душа, найденъ, »

Сладкогласно молвилъ онъ :

«И теперь примолвить снова,

«Нѣтъ припятства никакого.

«Завтра утромъ, свѣтикъ мой,

«Обвѣнчаться мнѣ съ тобой.

«Но не хочешь ли, дружочикъ,

«Свой увидѣть перстенечикъ ?

«Онъ въ дворцѣ моемъ лежитъ.»

Царь-дѣвица говоритъ:

«Знаю, знаю! Но признаться,

«Намъ нельзя еще вѣнчаться.»

—«Отъ чего же, свѣтикъ мой?

«Я люблю тебя душой;

«Миѣ, прости ты мою смѣлость.

«Страхъ жениться захотѣлось.

«Если жъ ты.... то я умру

«Завтра жъ съ горя по утру.

«Сжался, матушка Царица!»

Говоритъ ему дѣвица:

«Но взгляни-ка, ты вѣдь сѣдъ;

«Миѣ пятнадцать только лѣтъ:

«Какъ же можно намъ вѣнчаться?

«Всѣ цари начнутъ смѣяться.

«Дѣдъ-то, скажутъ, внуку взялъ!»

Царь со гнѣвомъ закричалъ:

«Пусть-ка только засмѣются —

«У меня какъ разъ свернутся:

«Всѣ ихъ царства полоню!

«Весь ихъ родъ искореню!»

—«Пусть не стануть и смѣяться,

«Все не можно намъ вѣнчаться, —

«Не растутъ зимой цвѣты :

«Я красавица, а ты?...

«Чѣмъ ты можешь похвалиться?

Говорить ему дѣвица. —

«Я хоть старъ, да я удалъ!»

Царь Царицѣ отвѣчалъ :

«Какъ немножко приберуся,

«Хоть кому, такъ покажуся

«Разудалымъ молодцомъ.

«Ну, да что намъ нужды въ томъ ?

«Лишь бы только намъ жениться. »

Говорить ему дѣвица :

«А такая въ томъ пужда,

«Что не выйду никогда

«За дурнаго, за сѣдаго,

«За беззубаго такого!»

Царь въ затылкѣ почесалъ,

И нахмурился, сказалъ :

«Что жъ мнѣ дѣлать-то Царица ?

«Страхъ, какъ хочется жениться ;

«Ты же, ровно на бѣду :

«Не пойду, да не пойду ! »

—«Не пойду я за сѣдова, »

Царь-дѣвица молвить снова :

«Стань, какъ прежде, молодець. »

«Я тотчасъ же подъ вѣнецъ. »

—«Вспомни, матушка Царица,

«Вѣдь нельзя переродиться ;

«Чудо Богъ одинъ творить. »

Царь-дѣвица говорить :

«Коль себя не пожалѣешь.

«Ты опять помолодѣешь.

«Слушай, завтра на зарѣ,

«На широкомъ на дворѣ,

«Долженъ челядь ты заставить

«Три котла большихъ поставить,

«И костры подъ нихъ сложить.

«Первой надобно налить

«До краевъ—водой студеной,

«А второй—водой вареной,
«А послѣдній—молокомъ,
«Вскипятя его ключемъ.
«Вотъ, коль хочешь ты жениться.
«И красавцемъ учиниться,—
«Ты, безъ платья, налегкѣ,
«Искунайся въ молокѣ;
«Тутъ побудь въ водѣ вареной,
«А потомъ еще въ студеной.
«И скажу тебѣ, отецъ,
«Будешь знатной молодецъ!»

Царь не вымолвилъ ни слова,
Кликнулъ тотчасъ Стремяннова.
«Что опять на Океанъ?»
Говорить Царю Иванъ.
«Нѣтъ, ужъ дутки, ваша милость!»
«Ужъ и то во мнѣ все сбилось;
«Не поѣду ни за что!»
—«Нѣтъ, Иванушка, не то,
«Завтра я хочу заставить

« На дворѣ котлы поставить,
« И костры подъ нихъ сложить.
« Первый, думаю, налить
« До краевъ водой студеной
« А второй—водой вареной,
« А послѣдній молокомъ,
« Вскипятя его ключемъ.
« Ты же долженъ постараться,
« Пробы ради, искупаться
« Въ этихъ трехъ большихъ котлахъ,
« Въ молоко и въ двухъ водахъ.»
—«Вишь, откуда подѣзжаетъ!»
Рѣчь Иванъ тутъ начинается:
« Шарять только поросятъ,
« Да индюшекъ, да цыплятъ;
« Я вѣдь, глянь, не поросенокъ,
« Не индюшка, не цыпленокъ.
« Вотъ въ холодный, такъ оно
« Искупаться бы можно,
« А подваривать какъ станешь,
« Такъ меня и не заманишь.

« Полно, Царь, хитрить, мудрить,

« Да Ивана проводить !»

« Царь, затряси бородою —

« Что? рядиться мнѣ съ тобою ?»

Закричалъ онъ «По смотри !

« Если ты въ разсвѣтъ зари

« Не исполнишь повелѣнье, —

« Я отдамъ тебя въ мученье,

« Прикажу тебя пытать,

« По кусочкамъ разрывать.

« Вонъ отсюда, болѣсть злая!»

Тутъ Иванушка, рыдая,

Поплелся на сѣноваль,

Гдѣ конекъ его лежалъ.

« Что, Иванушка, не веселъ?

« Что головушку повѣсилъ ?»

Говорилъ ему конекъ :

« Чай нашъ старый женишокъ

« Снова выкинулъ затѣю?»

Паль Иванъ къ коньку на шею,

Обнималъ и цѣловалъ.

« Охъ, бѣда, конекъ!» сказалъ:

« Царь въ конецъ меня сбываетъ ;

« Самъ подумай, заставляетъ

« Искупаться мнѣ въ котлахъ,

« Въ молоко и въ двухъ водахъ :

« Какъ въ одной водѣ студеной,

« А въ другой водѣ вареной,

« Молоко слышь, кипятокъ.»

Говорить ему конекъ :

« Вотъ ужъ служба, такъ ужъ служба !

« Тутъ нужна моя вся дружба.

« Какъ же къ слову не сказать :

« Лучше бъ намъ пера не брать ;

« Отъ него-то, отъ злодѣя,

« Столько бѣдъ тебѣ на шею....

« Ну, не плачь же, Богъ съ тобой !

« Сладимъ какъ-нибудь съ бѣдой.

« И скорѣе самъ я сгину,

« Чѣмъ тебя, Иванъ, покину:

« Слушай: завтра на зарѣ,

«Въ тѣ поры, какъ на дворѣ
«Ты раздѣнешься, какъ должно,
«Ты скажи Царю:—Не можно ль,
«Ваша милость, приказать,
«Горбунка ко мнѣ послать,
»Чтобъ въ послѣднн съ нимъ проститься.—
«Царь на это согласится.
«Вотъ какъ я хвостомъ махну,
«Въ тѣ котлы мордой макну,
«На тебя два раза прысну,
«Громкимъ посвистомъ присвисну,
«Ты, смотри же, не зѣвай:
«Въ молоко сперва ныряй,
«Тутъ въ котель съ водой вареной,
«А оттудова въ студенной.
«А теперича молнсь;
«Да спокойно спать ложнсь.»

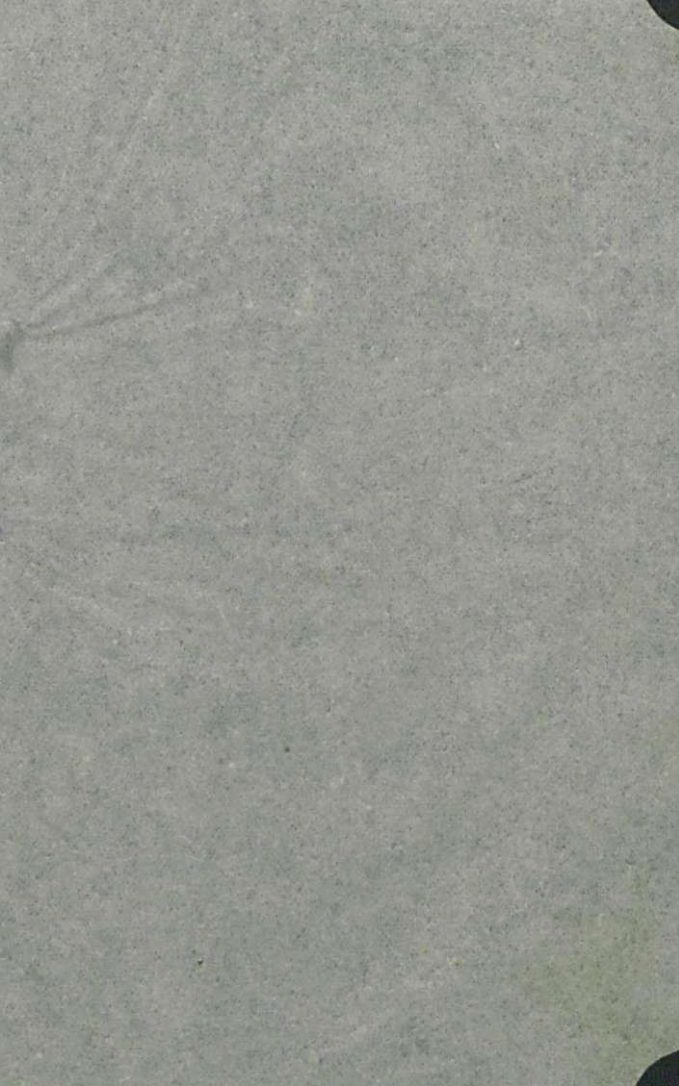
На другой день, утромъ рано,
Разбудилъ конекъ Ивана.
«Эй, хозяинъ, полно спать!

Время службу исправять.»
Тутъ Ванюша почесался;
Потянулся и поднялся;
Помолился на заборъ
И пошелъ къ Царю во дворъ.

Тамъ котлы уже кипѣли;
Подлѣ нихъ рядкомъ сидѣли
Кучера и повара
И служители Двора;
Дровъ усердно прибавляли,
Отъ Иванѣ толковали
Втихомолку межъ собой,
И смѣялись порой.

Вотъ и двери растворились;
Царь съ Царицей появились,
И готовились съ крыльца
Посмотрѣть на удалца.
«Ну, Ванюша, раздѣвайся,
«И въ котлахъ, братъ, покунайся?»

Грав. на дер. Л. Съряковъ.

Печ. Э. Шефферъ.

Царь Ивану закричалъ.

Тутъ Иванъ одежду снялъ,

Ничего не отвѣчая.

А Царица молодая,

Чтобъ не видѣть наготу,

Завернулася въ фату.

Вотъ Иванъ къ котламъ поднялся,

Глянулъ въ нихъ — и зачесался.

«Что же ты, Ванюша, сталъ?»

Царь опять ему вскричалъ:

«Исполняй-ка, братъ, что должно!»

Гопорить Иванъ: «Не можно ль,

«Ваша милость, приказать —

«Горбунка ко мнѣ послать.

«Я въ послѣднн-бъ съ нимъ простился.»

Царь, подумавъ, согласился,

И изволилъ приказать

Горбунка къ нему послать.

Тутъ слуга конька приводитъ

И къ сторонкѣ самъ отходить.

Вотъ конекъ хвостомъ махнулъ,
Въ тѣ котлы мордой макнулъ,
На Ивана дважды прыснулъ,
Громкимъ посвистомъ присвиснулъ.
На конька Иванъ взглянулъ,
И въ котель тотчасъ нырнулъ,
Тутъ въ другой, тамъ въ третій тожа,
И такой онъ сталъ пригожей—
Что ни въ сказкѣ не сказать,
Ни перомъ не написать!
Вотъ онъ въ платье нарядился,
Царь-дѣвицѣ поклонился,
Осмотрѣлся, подбодрясь,
Съ важнымъ видомъ, будто князь.

«Эко диво!» всѣ кричали :
«Мы и слыхомъ не слыхали,
«Чтобы лъзя похорошѣть!»

Царь велѣлъ себя раздѣть,
Два раза перекрестился, —
Бухъ въ котель — и тамъ сварился!

Царь-дѣвица тутъ встаетъ,

Знакъ къ молчанью подаетъ,

Покрывало поднимаетъ,

И къ прислужникамъ вѣщаетъ :

« Царь велѣлъ вамъ долго жить !

« Я хочу Царицей быть.

« Люба ль я вамъ ? отвѣчайте !

« Если любя, то признайте

« Володѣтелемъ всего—

« И супруга моего ! »

Тутъ Царица замолчала,

На Ивана показала.

« Люба, любя ! » всѣ кричать.

« За тебя хоть въ самой адъ !

« Твоего ради талана,

« Признаемъ Царя Ивана ! »

Царь Царицу тутъ беретъ,

Въ церковь Божію ведетъ

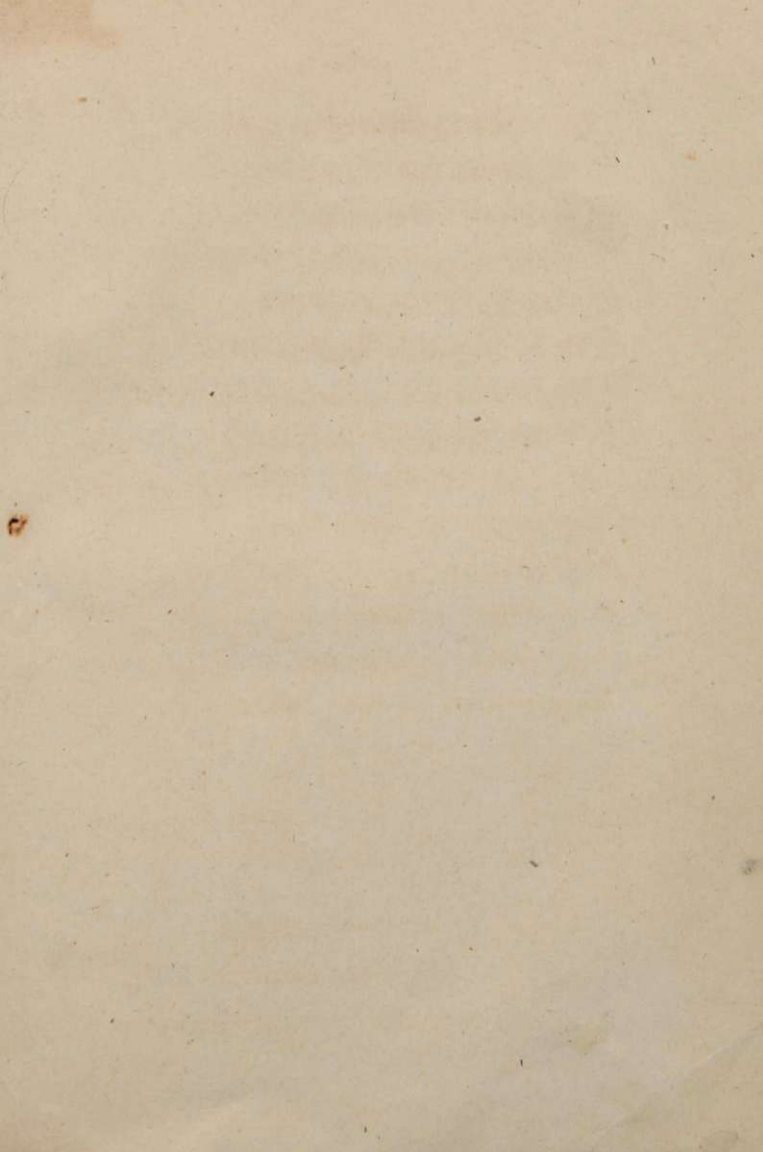
И съ невѣстой молодою

Онъ обходитъ вокругъ наложу.

Пушки съ крѣпости палятъ ;
Въ трубы кованы трубятъ ;
Всѣ подвалы отворяютъ,
Бочки съ фряжскимъ выставляютъ,
И напившись, народъ,
Что есть мочушки, деретъ ;
«Здравстуй, Царь нашъ со Царицей !»
«Съ распрекрасной Царь-дѣвицей !»

Во дворцѣ же пиръ горой :
Вина льются тамъ рѣкой ;
За дубовыми столами
Пьютъ бояре со князьями.
Сердцу любо ! Я тамъ былъ,
Медъ, вино и пиво пилъ ;
По усамъ хоть и бѣжало,
Въ ротъ ни капли ни попало.

MT
TB

2011094730